

АМПУА
ДЕВСТВЕННИЦЫ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова

Ампула девственницы

«ЭКСМО»

2003

Полякова Т. В.

Ампула девственницы / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
2003 — (Авантюрный детектив)

Влюбляться надо уметь. Аня Лиховицкая этим умением явно не обладает: влюбилась в симпатичного незнакомца, а в результате – гора трупов и море неприятностей. Незнакомец оказался ох как непрост, и теперь трое владельцев казино «Олимпия» подозревают Аню в причастности к ограблению их заведения. Вот и приходится ей создавать любовный четырехугольник, дурачить владельцев «Олимпии», надеясь избежать их кары. Игра рискованная, тем более что эта троица не лыком шита, особенно Марат – редкостный мерзавец. Вдобавок Аню похищает тот самый симпатичный незнакомец, а вызволяет ее из плена Марат. Час от часу не легче. Ставки растут, и Аня идет ва-банк: сообщает Марату, что она беременна от него...

© Полякова Т. В., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Татьяна Полякова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Татьяна Полякова

Ампула девственницы

До встречи с Леркой я была романтиком. Понятное дело, сейчас в это трудно поверить. Я бы точно не поверила, если бы не знала: влюбиться с первого взгляда способна лишь романтическая особа, а я влюбилась с первого взгляда. Отсюда вывод: именно такой романтической особой я была не так давно.

В тот день я зашла в кафе, чтобы пообедать, настроение у меня было не то чтобы скверное (я уговаривала себя быть стойкой и идти по жизни смеясь. Это, я вам скажу, стоило нервов), однако и хорошим назвать его тоже никак было нельзя. Я кусала губы, хмурила лоб, забыв о том, что это способствует появлению ранних морщин, а на фига они мне? Морщин вот только мне и не хватало. Проблем у меня... «Стоп...» – сказала я самой себе и стала стараться выглядеть счастливой: походка летящая, взгляд лучезарный, улыбка располагающая.

Я прошла к свободному столику, села, огляделась в поисках официанта и тут увидела его. Он сидел за столиком возле окна и пил кофе, наблюдая за прохожими на улице. Моя бабушка, искусствовед по образованию, была помешана на античности. Ее помешательство передалось мне, приняв довольно странную форму: едва я знакомясь с мужчиной, первым делом обращала внимание на его профиль. Большинство моих знакомых с этой точки зрения выглядели довольно забавно, один был похож на утенка, второй на лошадь, а третий... об этом лучше не вспоминать.

В общем, в профиль никто из мужчин достойного впечатления на меня произвести не мог, и вдруг... У него был высокий лоб, прямой нос, четко очерченные скулы. Длинные темные волосы собраны в хвост на затылке. Может, в его облике и не было ничего античного, главное, что мне он показался похожим на римского гладиатора. Сходство только увеличилось, когда молодой человек поднялся: он был высок, строен, и хотя мышцы не выпирали буграми, но сила чувствовалась в нем немалая.

Я плеснула кофе на свой подол, обратив внимание на то, что держу чашку под опасным наклоном, лишь тогда, когда обладатель потрясающего профиля покинул кафе.

Первой моей мыслью было бежать следом: раз уж мне повезло, глупо упускать удачу. Девушка я красивая, и молодые люди охотно знакомились со мной. Обручальное кольцо на руке незнакомца отсутствовало, так что, придумав какой-то благовидный предлог... Тут я перевела взгляд на свой подол и присвистнула: кофейное пятно медленно расплзлось. Знакомиться в таком виде с парнем – себя не любить. Что он обо мне подумает? Между прочим, правильно подумает.

Я вздохнула, отодвинула чашку и вдруг заревела, сообразив, что только что проворонила самую большую удачу в своей жизни. И никогда, никогда... Я торопливо расплатилась и побрела в офис, который находился в соседнем здании. Там я намеревалась пореветь всласть, но, пока добралась до своего кабинета, реветь расхотелось и я расстроилась еще больше: так приятно чувствовать себя влюбленной, пусть даже страдающей, а так сидишь дура душой и палишь взгляд в пустоту. Мне уже за двадцать, а я еще ни разу не влюблялась по-настоящему.

Три дня я вспоминала брюнета с античным профилем и тосковала, а на четвертый встретила его возле того же кафе. Я входила, а он выходил. Так как мы столкнулись, как говорится, нос к носу и его лицо я видела не в профиль, а анфас, то узнала не сразу. Точнее, сначала я узнала его куртку, потом прическу, потом хотела кинуться вдогонку, потому что анфас мне тоже понравился, но в этот момент парень сел в такси, а я горестно всплеснула руками. Собралась реветь, но передумала и для начала пообедала. Потом мне в голову пришла интересная мысль: если мы дважды в течение недели встречаемся в данном кафе, логично предположить,

что молодой человек здесь частый гость. Скорее всего, он работает где-то по соседству, а сюда, как и я, заходит перекусить.

Данное предположение очень меня воодушевило. Сама я в это кафе начала ходить пару недель назад, ранее обедала в пиццерии, потом меня там обсчитали, я разозлилась и решила больше туда не заглядывать, тем более что кафе вокруг было великое множество. Офис, где я работала, находился в центре города.

Поразмыслив еще немного, я решила провести небольшую разведку. Подошла официантка, я сделала заказ, а потом спросила:

– Простите, у вас обедает молодой человек... – Далее я толково, как мне казалось, описала внешность парня. Девушка хмурила брови, морщила лоб, поджимала губы и наконец заявила:

– Постоянных клиентов знаем, некоторые по году ходят и больше. А такого... народу много, разве всех запомнишь?

Значит, он не постоянный клиент. Открытие произвело на меня тягостное впечатление. Я было совсем хотела расстроиться и поставить на своей любви крест, но решила погодить отчаиваться, вдруг повезет?

До среды везением не пахло. Я исправно обедала в кафе, причем хитрила: приходила то на полчаса раньше, то позднее, подолгу засиживалась, но молодого человека ни разу не застала. В среду я пришла где-то в половине второго и сразу же увидела его за тем самым столиком у окна, он пил кофе и разглядывал прохожих. В этот раз его профиль показался мне прямо-таки божественным. Как назло, половина столов пустовали, так что подсесть к нему под благовидным предлогом возможности не было. Я устроилась по соседству, а когда проходила мимо, легонько задела его локтем.

– Извините, – сказала, улыбаясь во весь рот, он повернулся, улыбнулся в ответ и вновь уставился в окно. Я дважды откашлялась и даже уронила салфетницу. Безрезультатно, парень продолжал пялиться в окно, точно там медом намазано. Это было обидно и даже странно, не такой реакции я ожидала. Что ж это выходит, моя красота на него впечатления не произвела?

Я тоже уставилась в окно, пытаюсь понять, что там такого интересного? По мне, так ничего. Улица как улица, машины, народ бродит, напротив казино «Олимпия»... Возле входа в казино затормозил огромный джип, из него вышли трое здоровяков и направились к стеклянным дверям. Как ни крути, а я намного симпатичнее, мог бы отлепиться от джипа и взглянуть на меня. Жаль, что такая мысль его не посетила.

Парень подозвал официантку, расплатился и пошел к выходу. Я ринулась следом. Никакого плана у меня не было, просто не хотелось терять его из вида, если он работает где-то рядом, буду знать где. Правда, в прошлый раз он уехал на такси...

Своим привычкам он не изменил, сошел с тротуара и махнул рукой, одна из машин притормозила, а я готова была опять зареветь от досады. Конечно, можно подскочить к нему и сказать... что-нибудь очень глупое. Он решит, что я идиотка. А кто я? Конечно, идиотка.

– Аня, – услышала я совсем рядом, повернулась и увидела синий «Фольксваген», из которого мне махала рукой Юлька Сергеева, моя бывшая сокурсница. – Куда собралась? Тебя подвезти?

– Конечно, – обрадовалась я и юркнула в машину. – Видишь белые «Жигули»? – затараторила я, не дав Юльке опомниться. – Давай за ними.

– Куда за ними? – Не скажешь, что Юлька могла похвастать сообразительностью.

– Просто за ними.

– А зачем тебе «Жигули»? – заинтересовалась она, правда, с места сдвинулась.

– побыстрее, – поторопила я, – я тебе потом все объясню.

Движение на центральной улице оживленное, и мы едва не проворонили «Жигули», когда они свернули возле здания цирка. Юлька, наплевав на правила, тоже лихо свернула, и мы повисли у «десятки» на хвосте. Она еще дважды свернула и остановилась возле гастронома.

– Тормози! – рявкнула я и едва не ткнулась носом в лобовое стекло. – Спятила? – спросила я с отчаянием.

– Сама сказала... – начала Юлька, но тут интересующий меня объект вышел из машины и направился в сторону парка. Я выпорхнула следом. – Куда ты? – разозлилась Юлька, но я лишь махнула рукой.

Парень не спеша шел по аллее, я почти бежала, чтоб не потерять его из вида. Парк очень подходящее место для знакомства. Может, догнать его, толкнуть легонько и извиниться? Помнится, я его уже толкала. Что же делать-то? Лучше пойти ему навстречу. Точно. Улыбнуться, сказать: «А мы сегодня уже виделись». Потом спросить: «Вы где-то по соседству живете?» Нет, не годится, вроде бы в гости напрашиваюсь. Лучше про работу спросить.

В моих фантазиях все получалось совсем неплохо, и я вознамерилась осуществить их. С этой целью продралась через кусты на соседнюю аллею, затем бегом до детской площадки, опять через кусты, а потом не спеша ему навстречу. Я достала пудреницу, взглянула на себя, осталась довольна, подумала и подкрасила губы. Расчесалась. Одернула куртку. Повесила сумку сначала на правое плечо, потом на левое, вздохнула, как перед прыжком в воду, и пошла осуществлять свои замыслы.

Аллея была пуста.

– Да что ж это такое, – в отчаянии прошептала я и тут увидела предмет моих вожделений: он шел по боковой тропинке, куртка мелькала между кустов, и я бросилась туда. Земля не успела просохнуть, каблуки вязли, я злилась, а парень удалялся. Легко перемахнул через низкую ограду парка и перебежал дорогу. Пока я проделывала то же самое, только в замедленном темпе, он скрылся во дворе ближайшего дома. Сумка била мне по коленкам, я бежала сломя голову и успела увидеть, как он вошел в подъезд.

Я подскочила к двери и смогла убедиться, что войти следом невозможно, дверь с кодовым замком. Я подергала ее на всякий случай и отступила. Через несколько минут мне стала понятна вся нелепость моего поведения. Ну, войду я в подъезд, и что? Буду прочесывать все пять этажей, найду нужную квартиру и скажу: «Здрасте, вот и я. Давайте познакомимся».

Горестно качая головой, я побрела к троллейбусной остановке. Добираться до офиса мне пришлось с пересадкой, я разозлилась и посоветовала себе выбросить парня из головы. И вроде бы выбросила, то есть до самого вечера о нем не вспоминала. Этому очень способствовал тот факт, что работы было больше обычного, хотя и обычно ее пруд пруди.

Вечером я поехала в автосервис, забрала из ремонта свою машину и каким-то чудесным образом оказалась на улице Чапаева, как раз возле дома, в который сегодня вошел неизвестный брюнэт. Я пристроила машину неподалеку от подъезда, он, кстати, в настоящее время был открыт, но легче мне от этого не стало. В глубине души я надеялась на случайную встречу. Воображение услужливо рисовало картины одна другой радужнее. Вот он выходит, вот я легонько на него наезжаю, вот завязалась беседа, хотя если б кто-либо на меня наехал, даже легонечко...

Просидев почти час и в очередной раз почувствовав себя дурой, я завела машину. Тут дверь подъезда распахнулась и появился предмет моей мечты. Но не один. Рядом шел тип, одетый как хиппи, длинные волосы заплетены в косицы. Выглядело это по-дурацки, предмету моей мечты ни к чему болтаться по городу в компании таких личностей. Опять же все мои идеи насчет знакомства пошли насмарку – ни придавить его легонечко, ни заговорить я не смогу, раз этот парень рядом.

Я выехала со двора, успев заметить, что мужчины садятся в издававший виды «Опель» с номером 812. Историю отечества я знала не скажу чтобы хорошо, и все же номер «Опеля»

прочно связался в моем сознании с годом нашествия Наполеона, наверное, по этой причине он и не давал мне покоя.

Вечером, устроившись за кухонным столом, я решила разобраться с собой. Этому желанию сильно способствовал тот факт, что не так давно я закончила курсы психологии и жаждала применить полученные знания на практике. Взяла лист бумаги, разделила пополам, слева поставила знак плюс, справа – минус. Так как ничегошеньки о предмете своих мечтаний я не знала, листок вскоре приобрел вот какой вид: в колонке со знаком плюс стояло «профиль», в колонке со знаком минус – никудышные друзья, никудышная машина, дом, в котором живет возлюбленный (если там живет), тоже никудышный. То есть выходило, что молодой человек – партия незавидная. К тому же он упорно не обращал на меня внимания.

Тут бы и поставить точку в этой истории, но профиль все-таки перевешивал. В разгар моих душевных переживаний позвонила Юлька. Само собой, ей не давало покоя мое сегодняшнее странное поведение.

– Рассказывай, – потребовала она сурово. Я было собралась юлить, но быстро осознала, как это бесперспективно, и ответила правду:

– Мне понравился один парень.

– Да? – насторожилась подружка. – И чего?

– Ничего. Он не обращает на меня внимания.

– Да иди ты. Может, у него зрение плохое? Или того хуже: он «голубой»? Прикинь, зачем тебе это счастье? Вон Алка Никоненко вышла замуж за такого, хотя ей многие намекали. Ты ведь помнишь эту историю? Ну и что? Развелись. Спрашивается, зачем женился, если извращенец? Но Алка дура, это всем известно, а ты-то куда лезешь?

– Куда я лезу? – потеряв нить разговора, спросила я.

– Но ведь твой парень «голубой»?

– Спятила. С чего это ты взяла?

– Я взяла? Ты сама сказала, – обиделась Юлька. – Или не сказала? С ума с тобой сойдемь... Какого черта я сегодня неслась за чужой тачкой?

Чтобы окончательно не запутаться, я быстро рассказала Юльке свою историю. Времени на это ушло полторы минуты. Юлька задумалась, после чего заявила:

– Даже не знаю, что тебе сказать. Он действительно так красив, что ты прямо с первого взгляда влюбилась? Ты меня разыгрываешь, – еще немного подумав, сказала она. – Я за тобой такого не замечала. Хотя не зря говорят: в тихом омуте черти водятся.

– Это ты к чему? – насторожилась я.

– Просто к примеру. Расскажи, какой он.

Рассказывать особо было нечего, но я поднапряглась и удовлетворила Юлькино любопытство.

– Вот что, – неожиданно озарило ее, – я могу узнать, как зовут твоего парня. Хочешь?

– Допустим, хочу, – не очень уверенно ответила я.

– Тогда давай номер машины, позвоню Эдику, и он быстренько раздобудет необходимые сведения.

У Эдика, давнего приятеля Юльки, то ли отец, то ли дядя работал в ГАИ, этим беспардонно пользовались все его знакомые.

Идея с Эдиком показалась мне неплохой, брюнет садился на водительское место, так что в самом деле узнать о нем можно было немало, хотя я бы предпочла услышать имя и прочее из первых уст, но об этом пока приходилось только мечтать.

На следующий день Юлька позвонила мне в офис, я только что вернулась из кафе, где в очередной раз пыталась встретить брюнета, опять безуспешно. Из-за этого я была грустна, смотрела на жизнь с печалью и ничего особо хорошего от нее не ожидала.

– Я все узнала, – затараторила Юлька, лишь только я сняла трубку. – Зовут его Ярослав. По-моему, красивое имя. А фамилия Козлов. Но ты не расстраивайся, тебе необязательно брать его фамилию и он, вполне возможно, захочет взять твою. Лиховицкий Ярослав Павлович звучит очень даже неплохо.

– Значит, он Козлов Ярослав Павлович? – со вздохом спросила я. К никудышным друзьям, машине и дому прибавилась незвучная фамилия. Ясно было: судьба намекает, что пора остановиться и послать этого Козлова куда подальше. Но профиль вновь пересилил, и я сказала: – Фамилия как фамилия, ничем не хуже других.

– Ага, – поддакнула Юлька. – Записывай адрес: Первый Речной спуск, дом пять, квартира восемь. Записала?

– Записала. – Выходит, Ярослав на Чапаева не живет, просто заезжал к другу.

Тут я перевела взгляд на бумажку с адресом и невольно поморщилась. Дело в том, что по роду своей деятельности достоинства и недостатки районов родного города я изучила даже слишком хорошо. У меня свое агентство недвижимости, доставшееся от тети. Тетя организовала его на заре перестройки, успешно работала и даже смогла кое-что отложить на старость. Старость ее очень пугала и непременно сопровождалась эпитетом «нищая». Так вот, отложив кое-что на старость, тетка взяла да и вышла замуж за какого-то француза (мне так и не удалось его увидеть), укатила с ним сначала в Москву, а потом во Францию, где счастливо живет по сей день. Ее фирма вместе с головной болью перешла к моей маме, которая всю жизнь преподавала в музыкальной школе и, кроме сольфеджио, ни о чем на свете понятия не имела. Под маминым чутким руководством дела в фирме шли ни шатко ни валко. Тут я, кстати, окончила институт, и мама решила все передоверить мне и даже намеревалась вернуться в школу, чему я, естественно, воспротивилась. Мама осталась, и мы некоторое время руководили вместе, то есть мама руководила, а я присматривалась. Но, видимо, было в нашей фирме нечто мистическое, бог знает как к нам забрел некий голландец, он открывал какое-то представительство в нашем городе и хотел снять помещение под офис. И надо же такому случиться: он оказался неженатым, симпатичным и влюбился в маму с первого взгляда. Представительство он так и не открыл и увез маму в Голландию, а я осталась руководить фирмой с тайной надеждой, что мне тоже повезет, не в том смысле, чтобы за границу уехать, это я и так могу, раз у меня родственники по всему свету, а в том смысле, что... ну, вы понимаете. И тетка, и мама вышли замуж очень удачно, но теперь я сильно сомневалась, что и мне повезет, магическая сила, должно быть, себя исчерпала, потому что я знала доподлинно: нет в городе дыры мрачнее, чем Первый Речной спуск, впрочем, как Второй и Третий. Сплошь «хрущобы», да такие, что даром никому не нужны. В общем, мой избранник по фамилии Козлов на сказочного принца совсем не тянул, а Юлька, точно вознамерившись доконать меня, продолжила:

– А работает твой Ярослав в казино «Олимпия». Он музыкант.

Я тяжело вздохнула. Моя мама долгие годы предостерегала меня: «Дочка, ни в коем случае не выходи замуж за музыканта», – и приводила в пример папу, который, как в известной песне, играл на похоронах и свадьбах, в связи с этим тяготел к горячительным напиткам и умер, по утверждению мамы, от белой горячки. К тому моменту папа уже долгое время жил отдельно, и проверить справедливость этого утверждения я не могла.

– А на чем он играет? – зачем-то спросила я.

– Не знаю, – огорчилась Юлька, – там не написано.

– Ну ладно, музыкант так музыкант, – вздохнула я, и мы простились.

Теперь появление Ярослава в кафе становилось понятно: «Олимпия» расположена как раз напротив. Вот только почему он смотрит на нее с таким вниманием, словно наглядеться не может? Хотя творческие личности, как правило, вообще очень задумчивы, моя мама, к примеру, однажды случайно уронила на папу утюг, а он так и не вышел из задумчивости, только ушами стал шевелить активнее и еще пару дней после этого дергал щекой.

Вспомнив о папе, я нахмурилась и даже прошипела:

– Не нужен мне этот Козлов, какой-нибудь непризнанный гений, с ума с ним сойдешь...

Но профиль замаячил впереди как огонь в тумане, и вечером, закончив трудовой день, я сама не знаю как очутилась на Первом Речном спуске. Очутилась там я на своей машине и досадливо фыркнула, когда моим очам предстал дом за номером пять. Страшнее развалюхи и вообразить трудно: двери покорежены, рамы сгнили, балконы держатся на честном слове. Все, кто мог, давно сбежали отсюда. Конечно, мой Козлов музыкант, ему до бытовых проблем как мне до прошлогоднего снега, но и музыканты, бывает, деньги зарабатывают, а не ждут, что их оценят посмертно.

Притормозив возле чахлах кустов, я вздохнула и уставилась на подъезд. Примерно через двадцать минут, на протяжении которых поблизости не возникло ни одной живой души, дверь подъезда распахнулась и появился Козлов в сопровождении все того же хиппи. Они поспешно свернули за угол, а мне ничего не оставалось, как завести машину и следовать за ними. Парни шли по тротуару, тонувшему в темноте, а я малой скоростью двигала сзади, стараясь не потерять их из вида. Они свернули во двор, я тоже свернула за ними, правда, для этого пришлось проехать чуть дальше, в результате парней я потеряла. Зато могла созерцать освещенную вывеску бара: «Донжон» – значилось на ней. Бар размещался в полуподвале и на первый взгляд ничего общего с донжоном не имел, впрочем, как на второй и на третий. Удивляясь, кому взбрело в голову назвать заведение подобным образом, я осматривала двор, но хиппи с Козловым не обнаружила и вскоре сделала вывод, что они, скорее всего, зашли в бар. После недолгих сомнений я отважно направилась к обшарпанной двери, подозревая, что сие заведение по вкусу мне не придется. Конечно, я оказалась права. Бар больше походил на забегаловку, каковой, по сути, и являлся. Прямо напротив двери расположилась компания студентов, среди которых были три девушки, и я вздохнула с облегчением – по крайней мере не буду выглядеть здесь белой вороной. Глаза привыкли к полумраку, и сквозь дым (курили, по-моему, все и беспрестанно, а о кондиционере здесь, похоже, и не слышали) я смогла разглядеть Козлова, он сидел в самом углу, подальше от стойки, в компании хиппи и еще парочки личностей. Эти оба выглядели так, точно полчаса назад гуляли на большой дороге с топориками в руках. Проще говоря, в тюрьме им самое место. Совершенно неподходящая компания для моего Козлова. Он, кстати, перегнувшись к друзьям, что-то им растолковывал, они слушали очень внимательно и время от времени кивали.

Я подошла к стойке, купила пачку сигарет и почувствовала всю неуместность своего присутствия здесь, а также неуместность присутствия Козлова в моей жизни. Не глядя больше в его сторону, я поспешно вышла из бара и отправилась домой, решив забыть о Козлове раз и навсегда, и на следующий день даже не пошла обедать в заветное кафе, предпочтя ему заведение под названием «Фламинго».

Прошла неделя, потом и вторая, на деревьях появились первые листочки, дни стояли солнечные, а душа тосковала по возвышенным чувствам.

В среду я заскочила в кафе, чтобы перекусить между двумя встречами, стол возле окна пустовал, тот самый стол, за которым дважды восседал мой несостоявшийся возлюбленный. С легкой грустью в душе я устроилась возле окна, сделала заказ и принялась разглядывать казино напротив, в очередной раз констатируя, что в нем нет ничего интересного.

– Простите, – услышала я над ухом, – у вас не занято? – Повернулась и увидела Козлова. Он ласково улыбался, держась за спинку соседнего стула.

– Нет. Пожалуйста, – поспешно ответила я и вновь уставилась в окно, злясь на судьбу. Когда этот Козлов был очень нужен, его днем с огнем не сыщешь, стоило о нем забыть – и нате вам... Никакой справедливости...

Мне принесли заказ, а Козлов сделал свой.

– Приятного аппетита, – сказал он опять-таки с улыбкой, исподтишка разглядывая меня. Кусок от злости не шел в горло, но я продолжала жевать с равнодушной миной. – Мне кажется, мы уже встречались, – незамысловато начал он. Я кивнула:

– Возможно. Я часто здесь обедаю.

– Работаете где-то рядом?

– В соседнем здании.

– Магазин компьютеров?

– Нет, агентство недвижимости.

– Да что вы говорите, вот удача. Я как раз ищу квартиру. Извините, – очень натурально смутился он, – кажется, я веду себя по-дурацки.

«Еще бы», – подумала я, но вслух сказала совсем другое:

– С удовольствием вам помогу, это ведь моя работа.

И мы продолжили разговор о квартире. Обедать я закончила, и ничто не мешало мне уйти. Я достала визитку, положила перед Козловым и подозвала официантку.

– Уже уходите? – с грустью спросил он.

«Разул глаза наконец, олух царя небесного».

– Да, много дел, – кивнула я.

– Меня зовут Арсений, а вас?

– На визитке есть мои данные, – ответила я, смягчив слова улыбкой.

– Спасибо, я обязательно позвоню.

Я простилась и направилась к выходу, пребывая в недоумении. Если зовут его Арсений, то он не Козлов, хотя, конечно, может быть и Козловым, но совсем другим. Выходит, машина не его, адрес тоже не его... но друзья все равно неподходящие.

На следующий день часов в одиннадцать он позвонил.

– Могу ли я поговорить с Анной Михайловной? – Голос звучал исключительно интеллигентно, и я охотно откликнулась:

– Слушаю вас.

– Это Арсений. Мы с вами познакомились вчера в кафе, за обедом.

– Да-да, я помню.

Он вторично сообщил, что подыскивает квартиру, я переключила его на Софью Сергеевну, заверив, что она учтет все его пожелания. Но через двадцать минут он опять позвонил:

– А где вы сегодня будете обедать?

Несмотря на все мои старания относиться к Арсению критически, сердце сладко екнуло.

– Наверное, там же, где всегда, – ответила я.

– Отлично. Во сколько?

– Ну... около двух.

– Буду вас ждать, – заверил он.

Я покосилась на свое отражение в зеркале и осталась собой довольна, но все-таки подкрасила губы. Он Арсений, никакой не Ярослав и не музыкант, слава богу. Квартиру собирается покупать, значит, зарабатывает. Былое чувство охватило меня с новой силой. С трудом выждав время, я в 14.10 входила в кафе. Арсений уже сидел за столиком у окна и приветливо помахал мне рукой. Я подошла, улыбаясь, и сразу же сообщила:

– Софья Сергеевна уже подобрала вам несколько вариантов. Думаю, сегодня-завтра сможете посмотреть.

К такой перспективе он отнесся со сдержанной радостью. Когда обед закончился, Арсений проводил меня до офиса, мялся, отводил взгляд, даже покраснел и в конце концов предложил встретиться после работы, чтобы «куда-нибудь сходить», это его слова, а не мои.

Я хотела согласиться, но вдруг подумала, что это, пожалуй, неприлично. Хотя, если честно, просто хотелось слегка напакостить ему за то, что он столь долгое время не обращал на меня внимания. Любой девушке это обидно.

С вежливой улыбкой я ответила, что сегодня занята, выделив слово «сегодня», а то перепугается и больше не пригласит. Он извинился, и мы простились.

На следующий день он позвонил как раз в тот момент, когда я ломала голову, с кем пойти в театр. Вообще-то собирались идти мы с Юлькой, но утром она позвонила и заявила, что у нее свидание, которое она не намерена пропустить. Я разозлилась, она тоже, и мы немного поскандалили, после чего я в гневе бросила трубку. На вопрос Арсения, чем я занимаюсь (довольно странный вопрос, если учесть, что звонил он мне на работу), я честно ответила – прикидываю, с кем пойти в театр. Он тут же вызвался составить мне компанию, и вечером мы встретились.

Не скажу, что вечер получился незабываемым. Игра актеров оставляла желать лучшего, да и спектакль особо не порадовал. После спектакля мы полтора часа шли пешком до моего дома (можно было быстрее, но не хотелось) и мило болтали обо всем на свете. Странное дело, теперь, когда Арсений шел рядом, это обстоятельство не вызывало у меня сердцебиения и даже его профиль не казался мне столь сокрушительным. Профиль как профиль. Да и сам Арсений... то есть он симпатичный молодой человек, но симпатичных молодых людей много, а я одна. Нет, высокими чувствами даже не пахло, и теперь было странно вспоминать мое сидение возле его подъезда, выслеживание в кафе и прочие безумства в том же духе. Я попробовала настроить себя на лирический лад, стало только хуже.

Мы остановились возле моего подъезда, Арсений взял меня за руку, а потом поцеловал, вызвав в душе легкую брезгливость.

Раздосадованная, я торопливо простилась и поднялась к себе, злясь на свою черствую душу, на ни в чем не повинного Арсения и даже на соседского кота, который устроился на коврик возле моей двери. Укладываясь спать, я решила, что так никогда и не влюблюсь, заревела, а потом попробовала думать об Арсении с нежностью. Теперь, когда его не было рядом, это оказалось проще, профиль представлялся потрясающим, а сам Арсений – милым и добрым.

А между тем, несмотря на длительную беседу, ничегошеньки я о нем не узнала. Говорил он много, но все как-то вскользь. С уверенностью я могла сказать лишь одно: парня зовут Арсений, по крайней мере, он так представился. Можно было бы заподозрить его в нежелании откровенничать, но обвинения эти казались несостоятельными, потому что никакой таинственности он на себя не напускал, напротив. Но как-то так выходило...

Весь следующий день я об Арсении не вспоминала до тех самых пор, пока в 17.30 не взглянула на часы. «Он не позвонил, – подумала я с удивлением, и где-то внутри зашевелилась обида. – Еще не вечер», – решила я дать ему шанс, но он не позвонил и вечером. В двенадцать, ложась спать, я хмурилась, а с утра чутко реагировала на звонки.

Звонков было великое множество, но Арсений не объявился. В обеденный перерыв я припустилась в кафе, он не появился, чему я даже удивляться не стала. К вечеру любовь во мне разгорелась со страшной силой, так что казалось, если он сейчас же не позвонит, я умру от разрыва сердца. И это притом, что сутки назад я рыдала, не обнаружив в себе высоких чувств. Приходилось констатировать, во мне чрезвычайно силен дух противоречия. Знать бы, что с ним делать.

Арсений не позвонил, сердце мое так и не разорвалось, зато я начала нервничать. На следующий день я как бы невзначай спросила у Софьи Сергеевны, как продвигаются дела с покупкой им квартиры. Выяснилось, что он и ей не звонил, и сама Софья Сергеевна до него дозвониться не может: Арсений оставил только номер своего мобильного, а тот временно отключен. Заодно выяснилось вот еще что: свой адрес Арсений тоже не оставил, договор заключить не успели, хотя он и намеревался это сделать, но самое невероятное – Софья Сергеевна и фами-

лии его не знала. Как-то так вышло, что обошлись без нее. Мне на это возразить было нечего, потому что фамилией я тоже не поинтересовалась. После долгих раздумий я позвонила ему на мобильный. Ответ был все тот же: аппарат отключен. Нечто похожее на подозрение шевельнулось в моей душе, я бы, наверное, решила, что меня одурачили, если бы могла догадаться как, то есть какая у Арсения была цель. Как ни крути, а она не просматривается.

Прошло три дня, я думала о нем не переставая, звонила, обедала в кафе и даже расспросила об Арсении официанток. Забавно, но запомнили они почему-то меня, а не его, то есть сразу вспомнили, как я сидела за столиком у окна с молодым человеком, но был ли он здесь после этого, сказать не смогли.

Вечером четвертого дня я направилась в казино «Олимпия». Зачем, объяснить не берусь. Мои умозаключения выглядели примерно так: если Юлька ничего не напутала, хозяин машины, на которой ездил Арсений, некто Козлов. Чужому человеку машину, хоть и старенькую, не доверишь. Значит, они друзья. Возможно, я смогу узнать, что случилось с Арсением (к тому моменту я была твердо уверена: случилось). Согласна, логика слегка хромала: во-первых, машину могли продать по доверенности и музыкант из «Олимпии» Арсения не знает, во-вторых, как я заговорю с Козловым, не уронив девичьего достоинства, в ум не шло, и, в-третьих, чем тащиться в казино, проще съездить в пятиэтажку, куда я проводила Арсения, когда еще не была с ним знакома. Если на Первом Речном спуске живет Козлов, то Арсений, вполне возможно, живет на улице Чапаева. Но я уже стояла перед стеклянными дверями казино, и отступить было глупо.

В «Олимпию» я попала впервые, к тому же в одиночестве, и оттого чувствовала себя как-то неуверенно. В игорный зал даже заглядывать не стала, а сразу прошла в ресторан.

Музыканты были на месте, одеты в смокинги и играли джаз. Среди них – никого похожего на хиппи, хотя я почему-то думала, что раз Козлов не Арсений, то непременно его волосатый дружок. Такому как-то шло быть музыкантом, хотя в «Олимпии» ему делать нечего – публика здесь консервативная и парень с косицами вряд ли бы пришелся ко двору.

Я тяжело вздохнула и стала есть семгу, принудив себя радоваться жизни, хоть и через силу. Очень скоро я почувствовала на себе чей-то взгляд, оторвалась от созерцания тарелки и за столом в соседнем ряду обнаружила троих мужчин, двое из которых взирали на меня с интересом, природу которого понять труда мне не составило. «Черт бы их побрал», – подумала я в досаде. Один из троих встретился со мной взглядом и нахально подмигнул. Семга застряла в горле.

Я торопливо отодвинула тарелку и стала высматривать официанта. Сначала он подошел к троице за столом, потом ко мне.

– Простите, – начал он с пакостной улыбкой, – вы кого-то ждете?

– Жду, – ответила я. – Счет. И побыстрее, пожалуйста.

– Видите ли, вон там, за соседним столом, – головой он дернуть не решился, только глаза скосил, – мужчина очень хотел бы познакомиться с вами.

– Сожалею, но это невозможно.

Выразив неодобрение сведенными бровями, официант исчез, правда, быстро вернулся со счетом. Я расплатилась и вдруг отважно спросила, удивляясь самой себе:

– Среди ваших музыкантов нет парня по фамилии Козлов?

– А что? – вроде бы насторожился официант, глядя на меня как-то чересчур пристально.

– Знающие люди советовали его послушать.

Теперь на его физиономии выразилось недоумение.

– По-моему, играл он паршиво.

– Играл?

– Ага. Уволился несколько месяцев назад.

– Не знаете, где он играет сейчас?

– Не знаю. Только в приличном месте его не ищите. Где-нибудь на свалке.

Он усмехнулся, а я посоветовала себе не принимать его ухмылку близко к сердцу и покинула зал.

Возле гардероба пришлось задержаться, и тут, точно по волшебству, возник один из троицы, тот самый, что подмигивал. Под впечатлением от разговора с официантом я успела забыть о нем и с удивлением вытаращила глаза, когда он взял меня за локоть.

– Куда вы торопитесь? – спросил он с таким видом, точно знал всю мою подноготную.

– Вам что за дело? – не осталась я в долгу.

– Впервые вижу такую красивую девушку, – глазом не моргнув, соврал он.

– Чаще выходите на улицу.

Он хихикнул, желая показать, что оценил шутку, хотя я и не шутила.

– Интересуетесь музыкой?

– Музыкантами. Но нужного мне здесь нет. Всего доброго.

Я направилась к выходу, довольно невежливо высвободив руку. Уже миновав стеклянные двери, обернулась: мужчина смотрел мне вслед без вражды и печали, скорее озадаченно. Прошел к окну и проследил за тем, как я сажусь в машину, по крайней мере, заводя мотор, я видела его у окна в полный рост, он хмурился, точно ломал голову над чем-то очень серьезным. Интересно, каким образом мне удалось так его озадачить?

Выехав со стоянки, я тоже нахмурилась. Выходило, что я вновь занимаюсь какой-то ерундой и конца и края этому не видно, потому что я направилась в сторону улицы Чапаева. Остановившись напротив подъезда, я досадливо поморщилась, не зная, какую еще совершить глупость. Позвонить в первую попавшуюся квартиру и спросить, где живет Арсений? Узнаю я это – и что? Он, между прочим, на звонки не отвечает и сам не звонит. Предположим, он откроет дверь – и что я скажу? «Выслеживала тебя и вот теперь явилась»?

Так ничего и не придумав, я завела машину и вскоре уже выезжала на проспект. Арсений не шел из головы. Ночью он мне даже приснился. Сна я не помню, но проснулась в слезах, и это явилось последней каплей: я почувствовала себя совершенно несчастной. Утром я дала себе слово, что больше Арсению звонить не буду и выброшу его из головы. Звонить действительно не звонила, а вот со вторым было сложнее: в мыслях он являлся гораздо чаще, чем того бы хотелось.

В пятницу я решила навестить бабушку, потому что соскучилась, а еще надеялась, что природа окажет на меня свое благотворное воздействие и я обрету покой.

Итак, была пятница, тринадцатое число. В то время я с насмешкой относилась к таким вещам, это теперь в пятницу тринадцатого я из квартиры ни ногой и даже к телефону не подхожу, так, на всякий случай, а в ту пятницу скажи мне кто что-то подобное, сразу удостоился бы звания суеверного глупца. Судьба отсчитывала последние часы до моей роковой встречи с Леркой, а я об этом знать не знала, заскочила в магазин, купила продукты и подарок бабушке. Настроение у меня было отличное, и даже мысли об Арсении совершенно не докучали. Не звонит, и очень хорошо. Даже очень и очень хорошо.

С апреля по октябрь бабушка жила в деревне Пронькино в двадцати километрах от города. Место живописное, малозаселенное, в основном потому, что здесь были заливные луга, которые берегли до сих пор, и строительство запрещали. На пригорке церковь, далее село Ивановское, лес, в основном хвойный, чуть дальше березовая роща. Здесь я ненадолго остановилась. Денек выдался солнечный, нежно-зеленая листва рождала в душе умиление. Я прошлась немного и даже заплакала, скорее от счастья, а еще от некоего душевного томления. Вернулась в машину, проехала до села и притормозила на перекрестке возле магазина. Вообще-то попасть отсюда в Пронькино можно двумя способами: мимо заливных лугов через мост дорога отличная, хоть и не широкая, чего, кстати, и не требовалось, район густонаселенным не назо-

вешь, и движение здесь более чем скромное. Но была и вторая дорога, под названием «старая». Она шла через лес, по протяженности такая же, как и первая, но гораздо живописнее. Однако асфальтом здесь и не пахло, сплошные рытвины, ухабы. Ездили здесь редкие особи, склонные к авантюрам, то есть это я сейчас так думаю, тогда бы я сказала: склонные побыть наедине с природой. Теперь, как ни скажи, ничего не изменишь. Короче, я поехала через лес и некоторое время действительно вовсю наслаждалась, но тут машина вдруг заглохла и заводиться наотрез отказалась.

Хорошее настроение как ветром сдуло, и природа меня теперь не вдохновляла. Промучившись минут десять, я достала мобильный, прикидывая, к кому обратиться со своей бедой, вздохнула, бросила телефон в сумку, вышла из машины и раздраженно хлопнула дверью.

Нужна какая-то техника, чтоб дотащить машину до деревни. А там у соседа дяди Володи золотые руки, он всегда всем машины чинит и мне точно не откажет. Посоветовав себе не огорчаться, я ускорила шаг, подумала и свернула в лес, так ближе. Заплутаться я не боялась, еще в детстве здесь все было исхожено, и дорога мне ни к чему. Я шла и даже что-то напевала, срезала изрядный угол и уже видела дорогу сквозь деревья, и вот тут мое внимание привлек джип. Он стоял возле кустов калины, с дороги я его вряд ли бы заметила, а отсюда видела прекрасно. Я замедлила шаги и огляделась. Джип как джип. В Пронькине я такой машины не видела, но это ничего не значит – приехали люди в лес, я вот даже прогуливаюсь.

Однако приближаться к нему мне не хотелось, и я свернула немного влево, чтобы незамеченной обойти его по дуге и выйти на дорогу. Тут дверь джипа открылась и появился мужчина. С такого расстояния лица его разглядеть я не могла и возраст определить тоже, одет он был в джинсы и серую куртку. По какой-то неведомой причине он мне очень не понравился, я ускорила шаги, а сердце мое учащенно забилось – не иначе как предчувствие. Мужчина стоял и смотрел на меня, потом вдруг крикнул:

– Девушка, не подскажете, как к Михайловке проехать?

– Через село и направо! – прокричала я в ответ, не останавливаясь. – Там указатель!

– Спасибо! – крикнул он и вернулся в джип.

И едва я с облегчением вздохнула, как услышала шум работающего мотора – джип на приличной скорости догонял меня, хотя, если мужчина собирался попасть в Михайловку, ему надо в противоположную сторону. Сердце мое вновь скакнуло, и я припустилась бежать, но теперь не к дороге, а в лес, где деревья не позволят ему особенно разъездиться. Может, это было глупо, но умнее в тот момент мне в голову ничего не пришло.

И тут началось: джип затормозил, из него выскочили сразу трое придурков и бросились за мной. Я шарахнулась от них, на ходу достала из сумки телефон; это оказалось не так просто – и достать, и набрать номер. С номером вообще вышла неувязка: куда звонить? В милицию? Бабушке? Неизвестно, когда милиция приедет, а бабушка поднимет деревню по тревоге, и меня спасут. Я набрала номер, но чертово тринадцатое число в сочетании с пятницей уже дало себя знать: бабушка не ответила. Телефон соседа дяди Володи я вспомнить не могла, надо было искать его в телефонной книжке. Понажимав раз десять кнопку, я в отчаянии набрала 02, потому что расстояние между мной и преследователями сокращалось, они брали меня в кольцо.

– Помогите! – заголосила я. – На меня напали, в лесу, возле деревни Пронькино, помогите!

В этот момент парень подскочил ко мне, толкнул в спину, и я кубарем полетела на землю. Телефон откатился в кусты, но его тут же поднял второй парень и отключил, а тот, что толкнул меня, навалился сверху. Тут и третьего черт принес, он бухнулся на колени и схватил меня за руки, пока первый очень оперативно стаскивал с меня джинсы.

– Вы что, психи? – верещала я. – Отпустите! Возьмите сумку, там деньги. И машину, машину возьмите...

Мои вопли о деньгах и машине впечатления на них не произвели, а то, что им было нужно, ясно и без объяснений. Парень, что схватил мой телефон, сунул его в карман и присоединился к товарищам. Я орала, и он стиснул мне рот, я его укусила, он потряс рукой и сдвинул рот сильнее, после чего орать я уже не могла, только дико вращала глазами и извивалась змеей. Особо они не спешили и в своих стараниях далеко не продвинулись, но ясно было, что троих мне в неравной схватке не одолеть, значит, надеяться остается лишь на чудо.

Несмотря на трагизм ситуации, меня не оставляла мысль о нелепости происходящего. Парни, было им на вид лет двадцать пять–двадцать семь, ни дебилами, ни бандитами не выглядели, а уж тем более бомжами, алкоголиками и прочее. У того, что зажимал мне рот, дорогие часы, и пахло от него французской туалетной водой, тоже не из дешевых. Ну с какой стати им меня насиловать? Значит, все-таки психи. Или маньяки. Маньяки по трое не ходят. Психи. Изнасилюют и убьют. Конечно, убьют – белый день, рожи их я хорошо запомню, да и номер джипа. Хотя если джип ворованный... Тут мысли меня покинули, потому что первый расстегнул свои штаны, и я в отчаянии так заголосила, что удивила саму себя. Я лягалась, кусалась и оттянула трагический момент еще на пару минут. Но сколько веревочка ни вейся... Силы покидали меня, и вдруг... У парня, что в настоящий момент устраивался между моих ног, в кармане куртки зазвонил телефон. Он пробовал не обращать на него внимание, но тут зазвонил телефон у второго парня, потом у третьего, потом зазвонили два одновременно и дребезжать уже не прекращали. Парни озадаченно переглянулись, нахмурились, после чего второй, что был занят меньше других (он держал мою левую ногу), ответил на звонок. Но и его приятели теперь не спешили, уставились на него, а я примолкла, как-то неловко орать, когда человек разговаривает по телефону.

– Алло, – сказал он, после чего начал стремительно менять окраску с ядрено-розового до зеленовато-серого.

– Чего? – спросил первый придурок, все еще обретаясь между моих ног.

– Это не она, – кашлянув, ответил второй, и все трое уставились на меня. После чего первый вскочил и натянул штаны.

Сначала я обрадовалась, потом испугалась. «Не она» звучит здорово, но дураку ясно, речь идет о преступлении, а свидетелей в живых не оставляют. «Убьют», – в ужасе решила я и пролепетала:

– Я буду молчать, я никому, ничего... честное слово, только отпустите.

– Отпусти ее, – пробормотал первый. Его руки разжались, я вскочила, схватила свои вещи, намереваясь бежать. Тут между деревьев замелькал еще один джип. Парни сделали постылые лица, а я развила фантастическую скорость, решив, что эти прибыли на подмогу моим насильникам, и тут услышала женский голос.

– Девушка! – орала сзади во всю мощь легких. – Подождите, пожалуйста, не бойтесь.

Я на ходу оглянулась и увидела, что за мной несется девица, а трио продолжает стоять на месте роковой схватки, причем к ним прибавился четвертый персонаж, который в настоящий момент отвешивал увесистую оплеуху одному из насильников. Завороженная этим зрелищем, я встала как вкопанная, что позволило девице меня догнать. Она притормозила в паре шагов и с мукой душевной в глазах поинтересовалась:

– Как вы?

Я с трудом сглотнула и в свою очередь спросила:

– Вы кто?

– Я? – Вопрос, похоже, поставил ее в тупик. – Меня зовут Лера. Валерия. А вас?

– Вы из милиции? – озадачилась я. Теперь она потратила гораздо больше времени, прежде чем ответить.

– Нет, но вы в надежных руках.

– Чьих?

– Что?

– В чьих я руках? – еще больше озадачилась я, потому что ничего не понимала.

– В моих, – очень серьезно ответила девица, а я разозлилась.

– И что у вас за руки?

– Говорю, надежные. Вас как зовут?

– Анна.

– Очень приятно. Давайте сядем в мою машину и все спокойно обсудим. – Пока она это говорила, трое придурков загрузились в свой джип и отбыли в направлении села, четвертый тип, тот, что отвешивал оплеухи, теперь шел к нам, и я имела возможность как следует его разглядеть. Лучше бы я этого не делала. Коленки у меня как-то сами собой подогнулись, и это притом, что мне очень хотелось бежать отсюда сломя голову.

Парень казался коротышкой, хотя таковым не был, вся штука заключалась в том, что сложен он был непропорционально. Ноги явно коротковаты для такой туши, руки длинные, ниже колен, походкой он напоминал гориллу. С физиономией было не лучше. Совершенно зверская рожа с явными признаками умственной отсталости. Он весело гыкнул и пустил слюну, а я едва не хлопнулась в обморок, но Лерка подхватила меня под локоть, и только благодаря этому обстоятельству я удержалась на ногах.

– Ты его не бойся, – заявила она, поглядывая на парня с таким видом, точно решала: стоит бояться или нет. – Сашок безобидный. Эй, чудовище, близко не подходи! – крикнула она. – Девчонку кондратий хватит.

Сашок тут же замер и гыкнул еще раз, после чего приветливо помахал мне рукой.

– А он кто? – схватив Лерку за руку, проявила я нездоровый интерес.

– Водила мой и охранник. Вообще отличный парень, хоть и похож на Квазимодо.

Точно, вот он кого напоминал мне, я даже вытянула шею, чтобы проверить: есть у парня горб или нет. Горба не было, но сходство осталось. Заметив, что трястись я перестала и даже начала проявлять любопытство, Лерка вернула меня к недавнему происшествию очередным вопросом:

– Ты чего по лесу одна шастаешь?

– У меня машина сломалась, и я пошла в деревню за помощью.

– «Фольксваген» твой?

– Ага.

– Тогда пошли. Сашок глянет, он мастер.

Покосившись на Сашка, потом на Лерку, я кивнула, и мы зашагали к машине. Сашок гыкнул еще раз и протянул мне мой мобильный. Я с некоторой опаской взяла его и быстро отдернула руку.

– Да он не укусит, – с серьезным видом заверила Лерка. Сашок отчаянно замотал головой. – Видишь, ты ему нравишься.

– А он... говорящий? – шепотом спросила я.

– А то, только базарить попусту не любит. Золотой мужик. Сашок, скажи что-нибудь, – повернулась к нему Лерка. Тот улыбнулся и изрек:

– Сашок хороший.

– С ума сойти, – на мгновение зажмурившись, пробормотала я.

Мы подошли к машине, на которой приехали Лерка и Сашок. Джип «Мерседес» выглядел весьма респектабельно и с обликом ни той, ни другого как-то не вязался. Это обстоятельство возбудило во мне сильнейшие опасения, и предложение Лерки сесть в машину я категорически отвергла. Она вздохнула, посмотрела на меня и сказала:

– Конечно, ты можешь идти пешком. Только вот зачем, если есть машина? Сашок починит твою тачку, ты переоденешься...

Тут я взглянула на себя и ахнула. Куда ж я в таком виде? Как видно, с перепугу у меня мозги отшибло. Я стояла на лесной полянке в рваной рубашке, остатках бюстгальтера и шелковых носках.

– Мама дорогая, – пискнула я и бегом припустилась к месту недавней трагедии. За мной бросилась Лерка, а потом и Сашок, причем Лерка на ходу вопрошала:

– Ты куда?

– Там моя одежда, – крикнула я.

– На джинсах «молния» сломана, а кроссовки в машине.

Я резко повернулась. Сашок метнулся к «Мерседесу», извлек кроссовки из кабины и хлопнул подошвой о подошву.

– Что же делать? – ужаснулась я, продолжая себя разглядывать.

– У меня в машине барахла завались, – вздохнула Лерка. – Переоденешься.

И вновь такая доброта вызвала у меня подозрение. Мы вернулись к «мерсу», но забираться внутрь я поостереглась. Лерка извлекла сумку, а из нее вещи, в настоящий момент очень мне необходимые. Сашок, еще раз гыкнув, отвернулся, а я в порыве благодарности решила, что парень он неплохой.

– Размер у нас, похоже, один, – заметила Лерка. – Точно, как на тебя куплено.

Одевшись, я почувствовала себя гораздо увереннее.

– Ну что, глянем на твою тачку? – предложила Лерка.

– Я, пожалуй, пройдусь немного, – все еще опасаясь подвоха и немного стыдясь этого, ответила я.

– Брось, бояться тебе нечего. Садись.

Я подумала и села. Через пять минут мы уже тормозили возле моей машины. Сашок занялся починкой, а мы с Леркой устроились на обочине.

– Куришь? – протягивая мне пачку сигарет, спросила она.

– Нет.

Я достала мобильный и, уставившись на него, задумалась: куда звонить? Ясно, что в милицию. Но в какую? Городскую или районную? А может, надо не звонить, а ехать и писать заявление о том, что на меня совершили нападение?

– Ты чего? – с беспокойством косясь на телефон в моих руках, спросила Лерка.

– Думаю, как лучше поступить.

– Ты об этих придурках? – сообразила она. – Лучше забыть о них.

– Что значит «забыть»?

– То и значит: забудь, и все. Ведь они тебя не изнасиловали?

– Не изнасиловали, – кивнула я, – но напугали до смерти. И дело даже не в этом. Не изнасиловали, потому что мне повезло. А кому-то, в отличие от меня, не повезет.

– Мне не повезло, это точно, – вздохнула Лерка.

– Так они тебя... они что – здесь постоянно пасутся? – ужаснулась я.

– Если бы. Такое место хорошее, тихое... Я была уверена, никому мы здесь не помешаем... И нате вам, эти олухи все бездарно перепутали. Тебя до смерти напугали, и я с носом.

– С чем? – теряясь в догадках, спросила я.

– С носом. Видишь ли, изнасиловать должны были меня...

Если Лерка надеялась, что после этого я начну лучше соображать, то совершенно напрасно. Я вовсе ничего не понимала и таращилась на нее с видом полнейшего недоумения.

– Тебя?

– Ну...

– Они что, специально за тобой охотятся? – Лерка кивнула, а я, покусав губу, продолжила: – Это бандиты?

– Нет, приличные ребята. Из охранной конторы «Витязь». Слыхала о такой? Впрочем, откуда... – Лерка посмотрела на меня и почему-то вздохнула, а я почувствовала себя идиоткой.

– Я ничего не понимаю, – грозно сказала я, потому что, ясное дело, идиоткой чувствовать себя не люблю.

– Чего тут не понять. Мы договорились, что они будут поджидать меня здесь, они и поджидали. Но договаривался с ними Сашок, а не я сама, и меня они не видели, знали только, что на вид мне лет двадцать, блондинка, рост метр шестьдесят пять, красавица. Глаза у меня синие, а не зеленые, как у тебя, но на это они, должно быть, внимания не обратили. Короче, тебя спутали со мной, и вот... Забудь об этой истории. Я понимаю, что твои нервные клетки надо восстанавливать, ты только скажи, заплачу по полной. Тысячу, две... баксов, разумеется. А с этими олухами я сама разберусь.

Я хлопала глазами, пытаюсь решить: то ли я дура душой, то ли Лерка изъясняется невразумительно.

– Они хотели тебя изнасиловать? – нерешительно уточнила я.

– Ну...

– Но заявлять на них в милицию ты не хочешь?

– Зачем? Я ж сама их заказала.

– Что значит «заказала»? – перепугалась я, вспомнив, что данный глагол имеет не одно значение, я обожаю детективные сериалы и знаю это доподлинно.

– Изнасилование заказала, – глядя на меня небесно-синими глазами, ответила Лерка.

Посидев истуканом минут пять, я все-таки спросила:

– Ты что, сумасшедшая?

– Нет, – вздохнула она и начала смотреть вдаль. – Скучно мне.

– О господи... Короче, это был цирк и парни никакие не насильники? И если я сообщу в милицию...

– У них будут неприятности, – кивнула она, – хотя ребята выполняли мою просьбу. Поэтому я прошу куда не сообщать, а причиненные неудобства готова компенсировать. Лады?

– Не надо ничего компенсировать, – разозлилась я, косясь на Лерку. – Вы появились очень вовремя... – Я невольно поежилась, вспомнив недавнюю сцену, не выдержала и предложила: – Может, тебе стоит обратиться к врачу?

– К какому? – хмыкнула Лерка и тяжело вздохнула: – От скуки не лечат.

– А чего у тебя за скука такая? – продолжила я проявлять интерес, хотя сама себе советовала заткнуться.

– Обыкновенная, каждый день одно и то же. С парашютом прыгала – надоело, тарзанка – тоска зеленая. Мужики все квелые, никто не заводит. Вот я и подумала...

– Нет, тебе точно к врачу надо, – съязвила я и добавила: – А работать ты не пробовала?

– Где? – оживилась Лерка.

– Ну уж не знаю, зависит от твоей специальности. Она у тебя есть?

– А то. Я семь лет у шеста вертелась. Ты не смотри, что я выгляжу малолеткой, у меня большой жизненный опыт и специальность железная.

– Какой шест? – нахмурилась я.

Лерка взглянула на меня сожалеюще и со вздохом спросила:

– Ты где вообще живешь?

– Здесь, то есть в нашем городе. Что это за шест такой, о котором должны все знать?

– Безнадёжно, – махнула Лерка рукой, но тут же милостиво пояснила: – Стриптизом я занималась, в ночном клубе. Потом, когда бабок стало выше крыши, бросила. А зря. Может, назад вернуться? Как считаешь?

– Возвращайся, – кивнула я. – Это лучше, чем изнасилование заказывать.

Ответить Лерка не успела. Сашок направился к нам, вытирая руки тряпкой.

– Готово? – спросила Лерка, он кивнул, и мы поднялись. Лерка улыбнулась мне и сказала: – Ну вот... Извини, что так вышло.

– Ничего страшного, – заверила я.

– Денег точно не надо?

– Не надо.

Я торопливо устроилась в машине, махнула им рукой на прощание и поехала к бабушке.

Мысли о Лерке меня не покидали. Не то чтобы я думала о ней постоянно, конечно, нет, но когда они являлись мне, я хмыкала и качала головой. На праздные думы времени особо не было, дел невпроворот, но, укладываясь спать, я то воображала себя в объятиях Арсения, который исчез так же стремительно, как и появился, то вспоминала Лерку и фантазировала: а что бы делала я, будь у меня бабок выше крыши?

Вечером третьего дня меня ждал сюрприз. Я возвращалась с работы и возле своего подъезда обнаружила джип «Мерседес», а вскоре смогла лицезреть физиономию Сашка. Опустив стекло, он весело мне гукнул, а я нахмурилась, такая физиономия кому хочешь способна испортить настроение, а мне так вовсе тошно стало, потому что вслед за шофером я увидела Лерку. Она вышла из машины и направилась ко мне.

– Привет, – сказала она с улыбкой, улыбалась зазывно, точно приготовила подарок, но при этом возникало чувство, что непременно выйдет какая-нибудь пакость.

– Привет, – буркнула я.

– Как тачка? – кивнула Лерка. – Бегаёт?

– Да. Спасибо.

– Можно к тебе зайти? – ласково поинтересовалась она. Я чуть было не спросила, зачем, но решила быть вежливой и вопрос прозвучал так:

– А что случилось?

– Ничего, – пожала она плечами. – Ехала мимо, дай, думаю, загляну.

– Хорошо, – кивнула я, направляясь к подъезду. Лерка потопала за мной, а за ней и Сашок, выбравшись из кабины, потрусил к двери.

– А он зачем? – забыв про вежливость, нахмурилась я.

– Его одного надолго оставлять нельзя, – вздохнула Лерка и печально пояснила: – Он тоскует.

Я с недоумением перевела взгляд на парня.

– Ерунда, – буркнула я едва слышно, но Лерка услышала.

– Я один раз тоже так подумала и оставила Джоника, хотя меня предупреждали. А он возьми да и сдохни. Доктор так и сказал: от тоски.

– А кто такой Джоник? – растерялась я, замерев возле подъездной двери.

– Собака. Йоркширский терьер. Сейчас их все заводят, модно. И я завела. А он возьми да и сдохни, – повторила она с печалью.

– Но этот тип не терьер, – продолжала настаивать я.

– Конечно. Он покрупнее, а значит, и тоски в нем больше. Ты что, код забыла?

– Нет. – Я торопливо набрала цифры, и мы наконец вошли. – А надолго ты оставила Джоника? – спросила я не из любопытства даже, а желая показать себя заинтересованной чужой судьбой.

– На неделю.

– Так, может, он от голода сдох?

– Ты что, у него нянька была – дура душой, но добрая.

– Чего ж он сдох тогда?

– Говорю тебе, от тоски. Он меня очень любил. – В этом месте она так горестно вздохнула, что я испугалась – а ну как заревет? Обошлось.

Я открыла дверь, пропустила гостей в прихожую и вошла сама. Сбросив туфли, Лерка пробежалась по квартире, Сашок сел на банкетку, демонстрируя клыки в радостной улыбке.

– А у тебя ничего. Уютно.

– Спасибо, – вздохнула я, зная не зная, что делать с незваными гостями. – Хотите чаю?

– Давай, – согласилась Лерка.

Мы прошли на кухню, Сашок остался в прихожей, должно быть, Лерка решила, что там он не затоскует.

Сама она устроилась в кресле-качалке, а я стала заваривать чай.

– Устаешь на работе? – спросила она, понаблюдав за мной.

– Когда как. Сегодня день был тяжелый.

– Иди ко мне в секретарши, тыщи баксов хватит?

– Сама иди в секретарши, – сурово отрезала я.

Лерка почесала нос и ласково сказала:

– Не злись. Я ж как лучше хочу.

– Не надо. Ни лучше, ни хуже. Ты зачем пришла? – решила я не церемониться.

Она пожала плечами:

– Так просто.

– Ясно. Тебе скучно, и ты не знаешь, чем себя занять.

– На самом деле ты мне понравилась. А потом... у меня никого нет, – с грустью сообщила она. – Совсем никого. Только Сашок. Еще Джоник был, но сдох. Я не хочу заводить другую собаку, привыкнешь к нему, а вдруг...

– Что значит «никого»? – нахмурилась я, потому что страдала излишней добротой. – А где родители?

– Мать давно схоронили, она у меня запойная была. Батя бабу нашел, а у той своих четверо. Какая это родня?

– Ну а друзья?

– Нет у меня друзей. Никто со мной дружить не хочет. У меня характер паскудный, да и вообще... завидуют.

– Чему?

– Деньгам, – ответила Лерка.

– Найди друзей своего круга.

– А характер?

– Работай над собой.

– Я стараюсь. Мне ведь нелегко, понимаешь? Чтоб себя перевоспитать, нужно время, а еще человек, который подскажет, поможет.

Тут я забеспокоилась, дружить с Леркой мне совсем не хотелось. Я придвинула ей чашку с чаем и сама сделала пару глотков из своей чашки.

– Может, сходим куда? – предложила Лерка, понаблюдав за мной. – В казино. Или на дискотеку.

– Как-нибудь в другой раз, – отмахнулась я.

– Ага, – кивнула Лерка с печалью. – А чего у тебя за дела на работе?

– Дела как дела, – не стала я вдаваться в подробности.

– Тогда, может, в пятницу махнем за город? А хочешь, в Крым слетаем? Два часа туда, два обратно.

– У тебя что, свой самолет?

– Почему свой? Просто самолет.

– Вряд ли в ближайшее время получится.

– Почему?

Я взглянула на нее и по неизвестной причине почувствовала себя виноватой.

– У меня неприятности, – сообщила я со вздохом, хотя за секунду до этого не собиралась посвящать Лерку в свою жизнь.

– Что за неприятности?

Конечно, я уже пожалела о том, что сказала, но теперь секретничать было как-то глупо, и я ответила:

– Выживают меня из офиса. Когда мы снимали помещение и делали ремонт, хозяин от счастья прыгал до потолка, потому что домишко был старый, ветхий и грозил развалиться. А теперь в центре все развалины и халупы распродали, и он недоволен прежними условиями. На законном основании вышвырнуть он меня не может, но интригует и пакостит.

– Гад, – нахмурилась Лерка.

– Конечно, гад, – согласилась я. – Он с одним типом практически договорился, Андрюхин, слышала про такого?

– Нет, но это не важно. И что Андрюхин?

– Ему очень хочется все здание захватить. Конечно, он Федосееву, хозяину то есть, пообещал сумасшедшие деньги, ну, тот и рад стараться.

– И все? – подождав немного, спросила Лерка.

– Что все? – не поняла я.

– Это все твои неприятности?

– Ты хоть представляешь, что значит сменить адрес фирмы? – разозлилась я. – Найти помещение не у черта на куличках, а в приемлемом районе? А реклама? А номер телефона? Мы же половину клиентов растеряем. Опять же в центре за реальные деньги ничего не найдешь.

– Я понимаю, – серьезно кивнула Лерка, а я почувствовала себя как-то неуверенно.

Мы допили чай, поболтали о том о сем (в основном о фильмах про Джеймса Бонда), и Лерка наконец отбыла восвояси, оставив мне номер своего мобильного. Я о нем тут же забыла, потому что звонить ей не собиралась.

Однако пришлось. Утром следующего дня я пила кофе в компании Софьи Сергеевны, когда позвонил Федосеев и, захлебываясь от ярости, заявил:

– Вы что себе позволяете? – Охнул и заорал: – Ты что о себе воображаешь, пигалица?

– А что это вы на меня орете? – возмутилась я.

– Я орать не буду, я на тебя в милицию заявлю. Пусть разбираются.

– Хорошо, заявляйте, – ничего не поняв, ответила я.

Он прорычал что-то нечленораздельное и повесил трубку, а я в легком шоке сделала еще несколько глотков. Тут меня озарило, я подавилась кофе, закашлялась, Софья Сергеевна хлопнула меня ладонью по спине, а я, как только смогла отдышаться, бросилась искать Леркин телефонный номер. К счастью, он оказался в сумке.

– Алло, – нараспев ответила Лерка.

– Это я, Анна.

– Привет, как дела? – Она вроде бы обрадовалась.

– Нормально. То есть... слушай, – собралась я с силами, – мы вчера говорили о моих проблемах. Ты, случайно, не...

– Что?

– Сейчас позвонил Федосеев, хозяин здания, где находится наш офис, болтал какую-то чепуху.

– Грозил, что ли?

– Обещал заявить на меня в милицию.

– За что? – удивилась Лерка.

– Не сказал.

– Слушай, а у него с головой как? Все дома или, бывает, отлучаются?

– Не знаю, – задумчиво ответила я. Прямо спросить Лерку я так и не решилась, вдруг она ни при чем, а я навывдумывала черт-те что.

Я быстро простилась с ней и остаток дня пребывала в унынии, ожидая появления милиции с минуты на минуту.

Милиция не явилась, зато на следующий день вновь позвонил Федосеев. Теперь голос его был слаще меда.

– Анна Михайловна... – захлебываясь от счастья, начал он, далее счастье шло по возрастающей, что, признаться, насторожило меня больше угроз. Особенно тот факт, что Федосеев раз десять повторил, что все недоразумения между нами улажены и он предлагает мне заключить долгосрочный договор. – И давайте не будем тянуть. Встретимся завтра у нотариуса. – Он продиктовал адрес и с заметным облегчением отключился.

В назначенное время я прибыла к нотариусу. Федосеев ждал меня, пританцовывая возле своей «Ауди». Выглядел он так, точно ему на голову свалился кирпич и он по сию пору от этого не оправился. Завидев меня, дернул щекой, физиономию его слегка перекосило, но ее тут же украсила ласковая улыбка.

– Здравствуйте, – обрадовался он, шагнув навстречу, и я только тогда заметила, что левая рука у него на перевязи.

– Что у вас с рукой? – испугалась я, хотя чего бы мне пугаться, раз рука не моя, да и к Федосееву добрых чувств я не питала, уж очень много крови он мне попортил в последнее время.

– Рука? – Он посмотрел на нее с отчаянием и поспешно заверил: – Ерунда.

Формальности много времени не заняли. Вскоре мы простились с Федосеевым, я довольная, он почему-то не очень, и это меня озадачивало, коли уж инициатива исходила от него. Он проводил меня до машины и неожиданно перешел на шепот:

– Если вдруг, мало ли что... так вы того... скажите для начала, зачем же сразу...

Из этой тарабарщины я мало что уяснила, забеспокоилась и поторопилась уехать. Все произошедшее выглядело как-то подозрительно. И тут внутренний голос шепнул мне: «Позвони Андрюхину». Телефона офиса Андрюхина у меня не было, раз мы даже незнакомы, но в справочной я его получила без проблем, набрала номер, женский голос мне ответил. Я поинтересовалась, могу ли я поговорить с господином Андрюхиным. Женщина вложила в свой голос всю земную скорбь, когда ответила:

– К сожалению, нет. А кто его спрашивает?

– Сестра, – брякнула я, хотя знать не знала, есть ли у Андрюхина столь близкая родственница.

– Ольга Дмитриевна? – обрадовалась женщина и тут же вновь начала скорбеть: – Денис Дмитриевич в больнице.

– А что случилось? – пролепетала я испуганно, притворяться не пришлось, я действительно была здорово напугана.

– Он вам сам расскажет. Ничего страшного. Это он так говорит, – добавила она.

– А в какой он больнице?

– В «Красном Кресте». – Женщина назвала отделение и палату, а я помчалась туда.

В «Красном Кресте» у меня работала приятельница. Я очень надеялась застать ее на боевом посту. Так, к счастью, и оказалось. Через двадцать минут Лариска, посетив соответствующее отделение, сообщила, что господин Андрюхин доставлен в больницу с черепно-мозговой травмой, жизни его ничто не угрожает, но от этого легче мне не стало. Простившись с Ларисой, я выпорхнула из больницы и тут же набрала Леркин номер.

– Это ты! – взвизгнула я, вышло как-то не очень толково, так что неудивительно, что Лерка поняла этот визг по-своему и резонно ответила:

– Конечно, ведь ты мне звонишь. Или нет?

– Тебе. Слушай, ненормальная, Андрюхин в больнице, а Федосеев с перевязанной рукой и подписал со мной договор...

– Подписал? – обрадовалась Лерка. – Значит, у тебя никаких проблем? Надо это дело отметить.

– Ничего я отмечать не буду. Скажи, это твоих рук дело?

– Что? – растерялась она, и я тут же подумала: может, напрасно я ее обвиняю, может, она ни при чем, но все равно спросила:

– Кто-то проломил голову одному и покалечил руку другому. Это ты?

– С ума сошла? Как бы я это проделала? Ты бы хоть подумала: ну как я мужику руку сломаю? Во-первых, ломать замучаешься, раз навыков нет, во-вторых, он столбом стоять не будет, пожалуй, и мне что-нибудь сломает.

– Точно не ты? – теплее душой, спросила я.

– Конечно. Это Сашок.

– Ты чокнутая! – заорала я. – Не смей вмешиваться в мою жизнь. А если меня в тюрьму посадят? – озарило меня.

– Не смейся, – вздохнула Лерка. – И чего ты вообще орешь? Сашок восстанавливал справедливость. Эти гады тебе пакостили, потому что ты слабее и вступить за тебя некому. Это честно? Нет. Теперь им наkostenали и они в курсе, что поступать по-свински не стоит, можно нарваться. Мужики они здоровые, один дня через три из больницы выйдет, а второй и так по городу бегает не хуже собаки. Не вижу никаких проблем.

– Не суйся в мою жизнь, – повторила я и отключилась, после чего начала размышлять: может, стоит аннулировать договор? Я хотела быть честным человеком и законопослушным. Чем больше об этом думала, тем больше хотела. И позвонила Федосееву. Он мой порыв воспринял совершенно неожиданно.

– Что вы вытворяете? – спросил он с обидой. – Я же на все согласился. Если арендная плата не устраивает, давайте спокойно обсудим.

Стало ясно: он мой порыв не оценил и даже разглядел в нем какой-то подвох.

Проклиная Лерку, я вернулась в офис и поделилась наболевшим с Софьей Сергеевной. Почтенная дама вдруг заявила:

– Анечка, прекратите дурака валять. Слава богу, что все так благополучно разрешилось, зачем же все портить?

Немного посидев истуканом, я пошла заваривать чай, пообещав себе больше не ломать голову, а воспринять произошедшее как данность. Я понимала, что хитрю и изворачиваюсь, но в свои душевные глубины я заглядывать себе запретила и часам к шести смирилась с мыслью, что смогла устроить свои дела за чужой счет и не совсем законно.

Около семи я покинула офис и в трех шагах от двери обнаружила Лерку, она сидела прямо на асфальте, прислонясь спиной к стене и подтянув ноги к животу. Само собой, на нее обращали внимание, но Лерку это ничуть не волновало. Заметив меня, она улыбнулась и отбросила недокуренную сигарету.

– Рабочий день закончен? – спросила она весело.

– Ну... – невнятно промычала я.

– Может, сходим куда?

– Я...

– Понятно. А проводить тебя можно? До машины, – вздохнула Лерка, увидев невдалеке мой «Фольксваген».

Мне стало стыдно. Человек сидит возле моих дверей, ждет, а мне жаль полчаса времени...

– Может, выпьем кофе? – робко предложила я.

– Годится, – поднимаясь с асфальта, заявила Лерка. – Вон там кафешка приличная. Идем?

– Идем.

И мы пошли. Тут я некстати вспомнила о ее неизменном спутнике.

– А где Сашок?

– Я ему велела в машине сидеть. Чтоб тебя не раздражать. Он ведь тебе не приглянулся.

– Вовсе нет, – начала я оправдываться. – Просто... если хочешь, возьми его, я не против.

Лерка остановилась и, с благодарностью глядя на меня, сказала: – Спасибо. Он не любит оставаться один. А после Джоники я стала серьезно относиться к таким вещам. Так я его возьму?

– Конечно. Не то правда сдохнет. – Последнее замечание я пробормотала едва слышно, Лерка в это время махала руками и орала на всю улицу:

– Сашок, давай сюда.

Сашок выбрался из машины и ходко потрусил к нам, при этом он улыбался, точно ему пряник дали, и по обыкновению пускал слюну. Он подскочил ко мне, схватил мою руку, потрянул и улыбнулся еще шире.

– Аня хорошая, – заявила Лерка, и он согласно кивнул.

Мы наконец вошли в кафе и устроились за свободным столиком. Сашок направился к стойке, а я, пользуясь случаем, зашептала:

– Он что, ненормальный?

– В каком смысле? – тоже шепотом спросила Лерка.

– В буквальном.

– А-а, в буквальном... мы все с приветом. А Сашок – он особенный. Думает по-другому, живет по-другому, но это ведь ничего не значит.

– А что он сейчас делает? – забеспокоилась я.

– Кофе заказывает. Ты ведь капуччино хотела?

– А он сможет? – не поверила я, но тут рядом с нами возник Сашок с двумя чашками кофе в руках, поставил чашки на стол и вернулся за пирожными.

– Выходит, он может говорить, как нормальный? – не желала успокоиться я.

– Конечно. Только он болтать не любит.

– А ты его давно знаешь?

– Давно. Еще когда у шеста вертелась. Его братан устроил к нам в заведение. Там мы и подружились. Потом я его мужу сосватала в водилы.

– Мужу? – ахнула я.

– Конечно, мужу. Откуда у меня, по-твоему, бабки? – удивилась Лерка.

– А где муж? – растерялась я. – Ты же говорила...

– Муж далеко, но вот-вот появится.

– За границей? А почему ты к нему не едешь?

– Он в тюрьме. А туда я ехать не хочу.

Тут вернулся Сашок, и я замолчала, не решаясь говорить при нем. Лерка заговорила сама:

– Муженек у меня гад и сволочь. Считай, его нет вовсе. Хотя крови еще мне он попортит.

– Ага, – радостно кивнул Сашок.

– Он скоро освободится? – спросила я.

– Да он уже освободился. Явился, гад, бабки требовал.

– Свои?

– Само собой.

– А ты?

– А я его послала. Говорю же, сволочь он.

– Но если деньги его... – не унималась я.

– Его. Я этого гада любила как свою бессмертную душу. А он... Ладно. Ты не думай, я не из жадности. Я из чувства справедливости. Он знал, как я его люблю, был уверен, что всю жизнь просижу как собака, виляя хвостом. Вообще-то так и было, не узнай я... короче, когда его за жабры взяли, он все, что имел, на меня перевел. Весь свой бизнес и все свои бабки. Вот так был во мне уверен. А я его доверия не оправдала. А когда он вернулся, сказала: катись отсюда.

– И что, он взял и ушел?

– А куда ему деваться?

– А вдруг вернется?

– Конечно, вернется. Он за бабки удавится. А бабки немалые. Значит, вскоре появится. Он за это время друзьям сильно задолжал, а друзья такие, с которыми не шутят. Недели две назад Гришка вдруг из города исчез. Явно что-нибудь затеял, а все его затеи всегда касаются денег. Где-нибудь бабки стырит, с друзьями расплатится, потом за меня возьмется.

– Но ведь это опасно. Или нет? – с сомнением глядя на Лерку, спросила я.

– Конечно, опасно. Уж быстрее бы явился. Нервничая. Да и скучно. От безделья крыша едет. Сама видишь.

– Ничего я не вижу, – вздохнув, ответила я, не желая обидеть Лерку.

– А у тебя парень есть? – вдруг спросила она.

Я покосилась на Сашку и ответила:

– Нет.

– Почему? Ты красивая. И характер у тебя хороший.

– Много ты знаешь про мой характер, – проворчала я.

– Нет, серьезно. Работы навалом? Нет времени на личную жизнь? Может, тебя познакомиться...

– Не надо, – испугалась я, вспомнив Андрюхина с Федосеевым. Лерка все проблемы решала слишком энергично.

– Ты мне не доверяешь? – с грустью спросила она и сразу стала похожа на брошенного щенка. – У меня полно знакомых, среди них есть вполне приличные люди.

– Нет, – заявила я решительно. – Я сама способна, и вообще... – Должно быть, черт толкнул меня под локоть, потому что я добавила: – Я влюбилась.

– А он? – придвинулась она ближе. Как все женщины, Лерка обожала чужие любовные истории. Я пожала плечами, уже жалея, что заговорила об этом. – Вы встречаетесь?

– Встречались пару раз, то есть по-настоящему однажды. В театр ходили. А потом он пропал.

– Посадили? – с сочувствием спросила Лерка, а я разозлилась.

– С какой стати? Он хороший парень... – Тут я неожиданно для себя замолчала, хотя готова была продолжить, и вспомнила, что не так давно меня одолевала другая мысль: знакомства Арсения казались мне подозрительными, да и сам он тоже.

– Тогда объясни, – надулась Лерка, и я в припадке безумия поведала ей свою историю, хотя, если разобраться, никакой истории вовсе не было.

– Это все? – когда я закончила, с сомнением спросила Лерка.

– Да, – неуверенно ответила я.

– И ты не пыталась его найти?

– Зачем? Если он до сих пор не позвонил...

– А если он не может позвонить? Если человек, к примеру, лежит в больнице, совершенно одинокий...

– И из больницы люди звонят, – возразила я, правда, не совсем уверенно.

– А если он без рук, без ног и не хочет, чтобы ты... Хотя на кой хрен он тебе без рук, без ног?

– Господи, – простонала я, прижимая руку к сердцу. – Что, если он в самом деле... Мужчины такие странные, они боятся признаться в своей беспомощности. Возможно, у него воспаление легких...

– Он что, выглядел больным?

– Нет. Но ведь мог подхватить простуду.

– Мог, – кивнула Лерка. – Ты знаешь, где он живет, так давай прокатимся.

Это предложение привело меня в чувство.

– И что я ему скажу? – сдвинула я брови.

– Придумаем по дороге. Главное, ты будешь знать, жив он или нет.

– Но если я вот так заявлюсь, что он обо мне подумает?

– Аня хорошая, – проквакал Сашок, мы обе уставились на него озадаченно, после чего Лерка пожала плечами.

– Слышала? Мужик мужика знает лучше. Поехали.

Если до того момента я время от времени сомневалась в своей нормальности, то теперь могла поставить себе диагноз не хуже любого психиатра: я точно спятила. Потому что поехала. Разумеется, если бы я поехала одна, то, конечно, очень быстро передумала бы и свернула к родному жилищу, но поехала я с Леркой, точнее, она со мной, а Сашок на джипе пристроился сзади, чем слегка тревожил меня, потому что ездила я не очень аккуратно. Лерка всю дорогу трещала как заведенная, так что у меня совсем не было времени пораскинуть мозгами, к тому же на дорогу ушло всего несколько минут, я глазом не успела моргнуть, как уже тормозила возле вожденного подъезда на улице Чапаева.

– Выходи! – скомандовала Лерка.

Я вышла, и тут меня озарило:

– Я же не знаю, в какой квартире он живет.

– У него имя редкое, найти парня с таким именем дело двух минут, – порадовала меня Лерка.

– А замок? Как мы войдем в подъезд?

Вопрос слегка запоздал, Сашок присел на корточки возле двери, раздался щелчок, и дверь открылась.

– Но что мы ему скажем? – привела я последний довод, замерев в дверях.

– Тебе ничего говорить не надо, я все сама скажу.

– Ну уж нет, – возразила я и сделала роковой шаг, лихорадочно соображая, что скажу Арсению, если он откроет дверь. Возможно, он и не живет здесь, просто заходил к приятелю. Мне очень хотелось, чтобы так оно и было.

Между тем Лерка достигла первой квартиры и позвонила в дверь. Сашок благоразумно остался стоять внизу. Я как раз поравнялась с Леркой, когда дверь распахнулась и мы увидели сухонькую старушку с очень сердитым выражением лица.

– Что надо? – спросила она.

– Извините, – влезла я, опережая Лерку, – мы ищем молодого человека...

– Второй этаж, – ответила она, выглянула, увидела Сашку и закатила глаза. – Господи... двадцать восьмая квартира, чтоб вам всем провалиться.

Она собралась захлопнуть дверь, но Лерка слегка надавила на дверь плечом и ласково поинтересовалась:

– Вы нас не выслушали. Как вы можете знать, что речь идет...

– Он тут один! – рявкнула старушечка и, проявив завидную сноровку, оттолкнула Лерку и захлопнула дверь.

– Баба Яга, – прокомментировал Сашок, по обыкновению улыбаясь.

– Видно, твой Арсений здорово допек соседей, – вздохнула Лерка, поднимаясь на второй этаж. – Дом старый, живут одни пенсионеры, а у него музыка, друзья, подружки... хотя подруг, может, нет вовсе, это я так, для красноречия.

Мы подошли к двери с цифрой 28 и переглянулись. Дверь напротив открылась, но тут же захлопнулась, после чего все стихло.

– Забавный домик, – покачала головой Лерка и нажала кнопку звонка.

Сашок провел рукой по косяку с неизвестной целью и вдруг заявил:

– Вышибли.

– Когда? – спросила Лерка, а я спросила:

– Чего?

– Не сегодня, – ответил он, взял и толкнул дверь, после чего она немедленно открылась.

– Ух ты, – сказала Лерка и гаркнула: – Есть кто живой?

Живых не было. В квартире стояла жуткая тишина. Сашок вошел первым. Я бы ни за что входить не стала, но Лерка потянула меня за руку.

– Вдруг ему плохо? – И я вошла как под гипнозом.

Что-то грохнуло, мы разом вздрогнули и не сразу сообразили, что это часы. Сашок вернулся и прикрыл входную дверь, а я только тогда обратила внимание, что на ней сорвана задвижка.

– Воняет, – заявил Сашок и открыл дверь в комнату.

Она являла собой ужасное зрелище: двери шкафов распахнуты настежь, на полу книги, тряпки, все вперемешку.

– Попахивает ограблением, – изрекла Лерка, а Сашок упрямо повторил:

– Воняет.

– Слушайте, идемте отсюда, – внесла я дельное предложение. – И вызовем милицию.

– А вдруг ему нужна помощь? – подняла на меня лучистый взор Лерка.

– Кому? Здесь никого нет. – Зря я это сказала, за стеной что-то завывало.

– Холодильник включился, – прошептала Лерка, видя, что я собралась рухнуть в обморок.

– Его ограбили, и он пошел в милицию, – сказала я. – Они сейчас приедут, а мы здесь. И как мы объясним...

Сашок к тому времени обследовал всю квартиру и теперь стоял возле распахнутой двери в туалет.

– Чего там? – забеспокоилась Лерка, видя, что Сашок стоит как вкопанный с видом законченного придурка. Впрочем, вряд ли он когда-либо выглядел иначе. Лерка подошла к нему, и я тоже. После чего начала заваливаться в сторону и наверняка бы оказалась на полу, не поддержи меня эта чокнутая.

На унитазах сидел мужчина. Но совсем не так, как вы, должно быть, подумали. Он сидел, привалившись к стене в какой-то совершенно немыслимой позе, полностью одетый, в ботинках на высокой подошве. Сидел довольно давно, потому что запах стоял... Конечно, это был труп. И дело даже не в запахе и в невероятной позе. Вместо лица на нас смотрело что-то жутко кровавое, сразу и не разберешь, лицо это или затылок, и уж тем более не ясно, Арсений это или... Тут взгляд мой переметнулся на свитер, именно в нем я видела его в кафе. Я открыла рот, чтобы заорать, но Лерка предупредительно закрыла мне его ладонью.

Пока я старалась найти в себе силы, чтобы устоять на ногах, Сашок вдруг юркнул на кухню, а через мгновение я услышала за спиной шорох и резко обернулась, ожидая самого худшего. Под «худшим» в тот момент я подразумевала милицию. Но одного взгляда на новоприбывших было достаточно, чтобы понять: вряд ли они имеют что-то общее с правоохранительными органами. Их было трое, и встречаться с ними нам явно не следовало.

– Вы кто? – спросила Лерка. Страх в ее голосе не чувствовалось.

– Дядя Федор, а ты кто? – спросил рослый парень, который стоял ближе к нам, блондин с бесцветными глазами. Похож на подопытную крысу. Двое других больше походили на хомяков, во всяком случае, по упитанности. Физиономии у всех троих недобрые и даже зловещие.

– Мы ищем Арсения, – выпалила Лерка.

– Ну и как, нашли? – хмыкнул белобрысый.

– Взгляните, – пожала она плечами, отступив в сторону. Парень даже бровью не повел, хотя труп, безусловно, увидел. Что-то подсказывало мне – трупы для него не внове, в том числе и этот, то есть он в принципе к ним приучен, а этот его не удивил, скорее всего, по той причине, что он его уже видел. Почему я так решила, объяснить не берусь, но решила именно так.

– И что? – спросил белобрысый. Особо разговорчивым назвать его было трудно.

– Это он, – пискнула я и предприняла вторичную попытку упасть в обморок, но Лерка подставила плечо, и я устояла на ногах.

– А ты его хорошо разглядела? – хмыкнул белобрысый. Ответить на этот глупый вопрос я не успела – кто-то позвонил в дверь, причем весьма настойчиво.

«Теперь точно милиция», – решила я, на этот раз милиции почему-то обрадовавшись.

Далее события развивались весьма стремительно. Белобрысый подскочил ко мне, схватил за руку и поволок к двери, при этом в правой руке у него появился пистолет. Одного этого было достаточно, чтобы я рухнула в обморок, но мне опять-таки не позволили осуществить свои желания.

– Открывай, – шикнул он. – И без глупостей.

Точно во сне, я приоткрыла дверь, причем граждане за моей спиной рассредоточились – двое типов прижались к стене – один в компании Лерки, зачем-то сдавив ей рот ладонью, а белобрысый встал таким образом, что новоприбывший видеть его не мог, зато в бок мне уперлось дуло пистолета.

На пороге стоял мужчина, он слегка удивился, увидев меня.

– Здравствуйте, – сказал он вежливо. – Арсений дома?

Ответить на этот вопрос однозначно я затруднялась, пока я размышляла, мне ткнули дулом под ребра, и я мигом нашла соломонино решение.

– Проходите, – сказала я сдержанно, парень нахмурился, но шагнул в квартиру. Белобрысый молниеносно втянул его в прихожую и закрыл дверь. На мгновение парень растерялся, но лишь на мгновение. Он тут же толкнул меня. Я рухнула белобрысому под ноги. Грохнул выстрел, но стрелял вовсе не белобрысый, а неожиданный гость. Я завизжала, Лерка матюгнулась, мужики заорали, причем все разом, и начали палить – в результате гость сполз по стене, ткнувшись в нее лицом, потому что намеревался выскочить из квартиры, но не успел.

– Черт! – прорычал белобрысый, с удивлением глядя на него. Двое его дружков пребывали в прострации, вскоре перешедшей в шок, потому что голос за спиной глумливо предложил:

– Пушки на пол.

Все растерянно оглянулись, в том числе и я, потому что к тому моменту начисто забыла о присутствии Сашка в квартире.

Увидев Сашка, в каждой руке которого было по пистолету (вооружаться, так как следует), трое мужчин выполнили приказ и аккуратно положили оружие на пол. Шустрая Лерка сгребла пистолеты ногой и зашвырнула в комнату.

– Уходим! – скомандовала она. Первым, как ни странно, выполнил команду неожиданный гость. Я-то к тому моменту считала его мертвым, а он вдруг вскочил и, отпихнув меня в сторону, выбежал из квартиры. У всех разом отпали челюсти. – Ничего себе, – пробормотала Лерка, ведя меня за руку точно на поводу. Сашок покинул квартиру, когда мы с Леркой были уже на первом этаже. Бегом догнал нас, мы запрыгнули в машины и на сумасшедшей скорости покинули двор.

– Что это было? – задала я вопрос, лишь только обрела дар речи. Задала я его Лерке, она сидела рядом, а Сашок на джипе висел у нас на хвосте.

– Кто ж знает? – развела она руками.

– Куда мы едем? – додумалась полюбопытствовать я.

– Не вздумай тормозить, – посуровела Лерка. – Эти наверняка уже очухались. Вот здесь сверни.

Я свернула и далее молча следовала ее указаниям.

Минут через двадцать мы остановились возле симпатичного коттеджа. Сашок тоже подъехал, притормозил, вышел и помог выбраться Лерке.

– Это мой дом, – сообщила она. – Загони обе тачки в гараж, чтоб они глаза не мозолили. – На этот раз она обращалась к Сашку, тот поспешил выполнить приказ, а мы вошли в дом.

Он заслуживает отдельного описания, но в тот момент мне было не до этого. Я рухнула в ближайшее кресло и закрыла глаза. Когда мир перестал вращаться, я их открыла и увидела Лерку, она стояла рядом и протягивала мне стакан.

– Выпей, станет легче. – Я покорно сделала глоток и закашлялась, в стакане оказался коньяк. – Легче? – немного погодя спросила Лерка.

– Нет.

– Ну, ничего.

Вернулся Сашок и устроился в соседнем кресле.

– Что ж, давайте думать, – сказала Лерка.

– Надо звонить в милицию, – внесла я единственно разумное предложение. Сашок закатил глаза, а Лерка усмехнулась:

– Прежде чем делать резкие движения, не худо понять, что к чему.

– Там труп. Ты же видела.

– Вот-вот.

– Что «вот-вот», звонить надо. Совершенно убийство... Ты что, хочешь, чтобы нас обвинили в соучастии?

– Да, втравила ты нас в историю, – покачал головой Сашок, я так была потрясена этим заявлением, что даже забыла удивиться тому, что объясняется он вполне по-человечески.

– Я втравила? Каким образом?

– Оставим на время эмоции, – глотнув из стакана, предложила Лерка. – Как правильно заметила Аня, у нас труп и надо с этим что-то делать.

– Мы к этому трупу никакого отношения не имеем, – заторопилась я и заревела, то ли от жалости к своей недавней любви, то ли от жалости к себе.

– Сам труп заботит меня мало, – изрекла Лерка, покосилась на меня и добавила: – В смысле дальнейших неприятностей. Мы обнаружили его после того, как он просидел там довольно долго, и припаять нам убийство менты не смогут.

– Припаять убийство? – прошептала я и очень забеспокоилась: а если смогут?

– Гораздо больше меня тревожат ребята, что там появились. И эта троица, и тот, которого мы поспешили причислить к покойникам.

– На нем бронежилет был, – изрек Сашок.

– Вот, – кивнула Лерка. – Парень, который бродит по городу в бронежилете, – это серьезно.

– Я ничего не понимаю. Если нам не могут припаять убийство, отчего бы не обратиться в милицию?

– Объясняю, – кивнула Лерка без видимых признаков недовольства моей бестолковостью. – Если мы пойдем к ментам, придется рассказать правду. Так?

– Так.

– Это вряд ли понравится тем ребятам. Прежде чем злить их, не худо бы узнать, на что они способны, когда разозлятся. Другими словами, надо знать, с кем мы имеем дело и что вообще происходит.

– Если ты надеешься узнать это от меня, то совершенно напрасно.

– Что за человек твой Арсений? – через минуту спросила Лерка.

– Откуда я знаю? Я тебе все про него рассказала.

– Все?

– Конечно. С какой стати мне что-то скрывать?

– Просто так людей в собственном сортире не убивают, – глубокомысленно изрекла она.

– Ты видела, что творилось в квартире? Очень может быть, что его ограбили, он помешал грабителям, и они его убили.

– А потом явились снова и устроили пальбу?

– Других версий у меня нет, – отрезала я.

– Думаю, твой Арсений не так прост. И убили его вовсе не грабители. Хотя в квартире явно что-то искали.

– Тогда логичнее спросить у хозяина, – фыркнула я, – раз уж он неожиданно явился.

Лерка с Сашкой переглянулись.

– А вдруг он не захотел сказать?

– Если б ты знала, что в результате твоего отказа ты окажешься на небесах... К тому же есть еще различные средства воздействия.

– Не похоже, чтоб его пытали, – подал голос Сашок, а Лерка, глядя на меня, заявила:

– Ты любишь детективы?

– Только не в реальной жизни.

– Почему? Давай попробуем разгадать эту загадку.

– Пусть милиция разгадывает, – буркнула я. – Послушайте, – обеспокоенно обратилась я к ним. – Мы подъехали на машинах, мы наводили справки у соседей, нас наверняка запомнили. А может, кто-то и номера машин записал. Это значит...

– Точно. Потому мы и сидим здесь. Узнать номера машин может не только милиция, но и парни, что устроили пальбу. Если хочешь знать мое мнение, эти найдут нас быстрее милиции. Оттого и хотелось бы как можно скорее прояснить ситуацию.

– Надо идти в милицию, – клацнув зубами, упрямо повторила я. Тут меня озарило, и я, гневно сверкая глазами, обратилась к Лерке: – Я знаю, почему ты не хочешь идти в милицию. Тебе заняться нечем, и ты решила поиграть в сыщиков. Не думай, что я буду в этом участвовать. У меня нет времени на всякую ерунду. – С этими словами я даже поднялась с кресла. Тут в опасной близости появился Сашок и продемонстрировал мне в широкой улыбке клыки. Я разозлилась еще больше, сообразив, что меня запугивают.

Но тут вмешалась Лерка:

– У Арсения ты была не одна, а с нами. Мне на ментов наплевать, но Сашок с ними не дружит, у них взаимная аллергия, и встречаться им никак нельзя. А когда они узнают о пистолете...

– Но они же все равно узнают. Вы что, забыли: соседи...

– Узнают или нет, бабушка надвое сказала. Допустим, соседка подробно расскажет, как мы выглядим. И что? В полумиллионном городе нелегко отыскать человека по описанию какой-то старушенции.

– А машины?

– С чего ты взяла, что кто-то на них обратил внимание?

– Но если нас все-таки найдут?

– Тогда честно скажем, что здорово перепугались и не заявили, потому что не верили, что милиция способна нас защитить. Говорю тебе, менты сейчас не главное. Главное понять,

во что мы умудрились ввязаться. Есть два варианта: ты проявляешь сознательность и идешь в милицию, а мы сматываемся за границу, визы у нас открыты. И ты одна разбираешься с ментами и головорезами во главе с белобрысым. Тот, в кого стреляли, тоже может тобой заинтересоваться. Короче, жизнь у тебя будет очень насыщенной. Второй вариант: мы пытаемся понять, что происходит, а потом...

– Есть третий вариант: я тоже уезжаю за границу, и у меня виза открыта...

Возникла пауза, стало ясно, что мы зашли в тупик. Осознав это, мы предприняли вторичную попытку договориться. Я настаивала на милиции, теперь скорее из вредности, ибо ничего хорошего от встречи с милиционерами тоже не ожидала, Лерка же твердила – надо разобраться. Силы были неравные, на стороне Лерки Сашок с клыками, на моей – собственное упрямство. В результате я уступила и таким образом встала на путь порока, то есть в тот момент я об этом еще не догадывалась, хотя должна бы, раз успела кое-что узнать о Лерке.

– Хорошо, – простонала я, откидываясь в кресле, и на этом дебаты прекратились. Лерка тут же взяла быка за рога, то есть приступила к расследованию.

– Ты, случаем, этого белобрысого раньше не видел? – повернулась она к Сашку.

– Я его не разглядел, – проквашал Сашок.

– А того, что прикинулся мертвым?

– Только спину.

– Сведений кот наплакал, – сделала ценное умозаключение Лерка.

– Я его раньше видела, – нехотя признала я, в глубине души считая, что лучше бы держать язык за зубами.

– Раньше? Где раньше, когда? – оживилась Лерка.

– Неделю назад. Нет, дней десять. Точно не помню. Я узнала адрес Арсения по номеру машины, но это был вовсе не его адрес. Я поехала проверить и увидела Арсения с парнем, похожим на хиппи. Они пошли в бар, где встретились с какими-то типами, одним из которых и был сегодняшний парень в бронжилете.

– Если хочешь, чтобы я поняла, расскажи толково.

Конечно, я рассказала и толково, и подробно, надеясь, что после этого меня оставят в покое. Но стало даже хуже, потому что Лерка, выслушав меня, спросила:

– Скажи честно, зачем ты за ним следила?

– Я в него влюбилась, – со вздохом ответила я, хотя теперь самой себе верила с трудом.

– Ты в него влюбилась и потому следила?

– Я искала случая с ним познакомиться.

Посверлив меня взглядом без всякого толка, Лерка кивнула.

– Значит, ты считала, что фамилия твоего Арсения Козлов, а он оказался кем-то другим?

– Ты же слышала.

– А познакомились вы в кафе, и он всегда садился возле окна, а напротив казино «Олимпия»? Из чего делаем вывод: казино его чем-то интересовало.

– Я этого не говорила. Скорее всего, парень просто любил смотреть в окно. И чем вообще может быть интересно казино?

– Не знаю, как другие, а «Олимпия» очень даже может...

– Чем? – насторожилась я.

– Это я тебе потом скажу, если мои догадки окажутся верны. У нас есть адрес неизвестного Козлова, который к тому же работал в той самой «Олимпии». Им может оказаться тот хиппи, а может наш сегодняшний знакомый, едва не скончавшийся во время теплой встречи. Надо проверить. Поехали. Адрес помнишь?

– Первый Речной спуск.

– Отлично.

И мы поехали. На этот раз мою машину оставили в гараже, а отправились на Леркином джипе. Честно говоря, я ожидала, что нас остановят на первом же перекрестке и сразу отправят в тюрьму, но, вопреки моим худшим опасениям, мы благополучно добрались до Речного спуска.

Дом по-прежнему выглядел обшарпанным и жалким, что настроения мне не прибавило. Поднялись на второй этаж и позвонили в квартиру номер восемь. Открыл нам здоровенный дядька в пятнистых штанах. От дядьки сильно несло чесноком, он что-то жевал, сонно взглянул на нас и поинтересовался:

– Кого надо?

– Козлова, – ответила Лерка. Надо сказать, что пред светлы очи дядьки мы предстали вдвоем, Сашок остался в джипе.

– Козлова, – вздохнул дядька, – ну, проходите.

Мы прошли, я с испугом, потому что терялась в догадках, что мы этому Козлову скажем, но Лерка держалась уверенно, и я решила, что буду молчать, пусть выкручивается как хочет.

– А вы ему кто будете? – спросил дядька, когда мы, сделав несколько шагов, принялись топтаться в прихожей. Стало ясно, это коммуналка и дядька Козлову, скорее всего, не родственник, а сосед. В прихожей было две вешалки и два облезлых шифоньера, свободное от них пространство в настоящее время занимали мы, причем близость дядьки давала себя знать: я начала задыхаться.

– Мы его знакомые, – ответила Лерка, невольно морщась.

– Хорошие знакомые али как?

– Он дома? – спросила Лерка, начиная злиться.

– Вот его комната, – ткнул он пальцем в соседнюю дверь. Я повернула голову и увидела, что на двери приклеена какая-то бумажка. Лерка ее тоже увидела и присвистнула:

– Что случилось?

– Если вы близкие знакомые, то я вас должен подготовить. Вдруг у вас любовь, а я с такой новостью.

– Он нам денег должен.

– О-о... тогда еще хуже. Денег вы не увидите. Козлов наш того... с балкона вниз головой.

– Добровольно или помог кто?

– Выпил много, – ответил дядька и так хитро ухмыльнулся, что стало ясно: ему есть что порассказать.

В следующее мгновение в руках Лерки появилась сотня, ухмылка дядьки стала еще шире, а гостеприимство безграничным.

– Идемте в комнату, – скомандовал он.

Мы прошли длинным темным коридором и оказались в каморке метров одиннадцати с одним окном. Шифоньер, ровесник моей бабушки, диван слегка постарше, тумбочка с допотопным «Рекордом», ковер на стене, который украсил бы собой свалку, но никак не жилище, возле окна стол и два стула, вот и вся обстановка. Чувствовалось, что дядька живет здесь давно, лет тридцать, а может, и сорок (на вид ему около шестидесяти).

– Садитесь, – кивнул он на диван. – Чувствую, разговор будет долгим.

– Почему? – испугалась я, но Лерка пихнула меня локтем в бок, и я затихла.

Дядька устроился на стуле, развернувшись к нам, и заговорил:

– Значит, так. В ту ночь он пришел не один. Совершенно очевидный факт. Один он ходит по-другому. У него походка мягкая, бывает, в тапках идет в туалет, так его и не слышно. А здесь пол вибрировал, значит, двое шли. Дверь хлопнула, было это часов в двенадцать. По-нашему – глубокая ночь. Народ здесь рано встает, оттого рано ложится. Сразу прошли к нему в комнату, дверь скрипнула. Говорили тихо, выпивали. Козлов на кухню прошел, звякнул посудой. Холодильник у него в комнате. Через полчаса дверь опять скрипнула. И тихо стало. Я

начал засыпать, – дядька перешел на шепот, увлекаясь все больше и больше, – но примерно через полчаса опять проснулся. Входная дверь вжик. Думаю, не иначе как Козлов решил за этим делом сбегать: тут рядышком всю ночь торгуют. И вдруг что-то шмяк за окном, я сперва не понял, лежу себе, прислушиваюсь, а дверь опять – вжик. А утром рано, часов в пять, народ загалдел, оказывается, под балконом Славка лежит, Козлов. Свалился.

– А вы в милиции все это рассказывали? – широко улыбнулась Лерка.

– Когда они приехали, я здоровье поправлял и был немного... неразговорчивым. А уж потом, все сопоставив и осознав...

– Выходит, либо Козлов сначала с балкона свалился, а потом дверью скрипнул, либо на момент падения был в комнате не один, а с гостем, и уже после его падения гость ушел.

– Истинная правда, – закрыв глаза, заявил дядька.

– Постойте, а с чего вы взяли, что он упал в тот момент, когда это «шмяк» было? Может, он уходил, вернулся, тут что-то шмякнулось без него, а уж он потом, ближе к утру, свалился с балкона.

– Никак такого не может быть. Тишина, я вам скажу, была гробовая. Я бы услышал.

– А вы вообще по ночам спите или только слушаете? – нахмурилась я.

– Я двадцать пять лет сторожем прослужил на оборонном заводе. Каждые полчаса начальство непременно проверяло, чтоб мы не спали. Так я изловчился дремать с открытыми глазами и ко всему прислушиваясь. Начальство подкрадется, а я возле стенки навтыяжку, глаза без признаков сна, и при первом шорохе сразу «здравия желаю». В лучших все двадцать пять лет ходил. А на пенсию вышел – замучился. Не могу по-людски спать, все слышу и норовлю глаза вытаращить. Производственная травма моей психики. Конечно, если литр выпить, недуг заметно слабеет, а в остальных случаях просто беда. Тут еще вот что... – Он перегнулся к нам и перешел на зловещий шепот: – Козлов падал и даже словечка не проронил. Шмяк, и все. Где это видано? Васька Хрякин с дерева летел, так орал, не приведи господи, уж приземлился давно, а все орал. Хотя выпил немало, перед тем как на дерево за своим котом полез. Козлову столько не выпить, он парень жидкий. И высота у нас не скажу чтоб большая, первый-то этаж в землю врос, и чтоб шею сломать, надо нырять головой вниз, и то, бывает, повезет, и ничегошеньки. А тут вякнуть не успел и сразу каюк. Я чего думаю, может, шею-то ему сначала сломали, а уж потом с балкона?

– Чего ж вы своими догадками с милицией не поделились?

– А чего с ними делиться, они сотню не дадут. Или две. А лучше три. Я б не такое еще рассказал.

– За три сотни и я чего хочешь навывдумываю, – съязвила я.

Дядька хмыкнул:

– А мне и выдумывать не надо. А насчет ментов... им ведь все равно. Приехали, взглянули, поспрашивали, что да как. Козлов одинокий, хлопотать и горевать о нем некому, упал с балкона – и всех делов. Козлову все равно, а им зачем лишняя морока? Я со своими догадками приду и вряд ли их обрадую. Скорее наоборот, а злить мне их совершенно не хочется. Придаться при желании к любому можно, особенно если выпивающий...

Лерка выложила на стол две сотни.

– Значит, вы намекаете, что Козлов не сам свалился, а кто-то ему помог? – вмешалась я, видя, как стремительно исчезли деньги в кармане пятнистых штанов.

– Напекаю, – кивнул он.

– И кому, по-вашему, могло прийти в голову такое?

– Дружку. Дружок у него появился, вроде неплохой парень, но... У меня глаз наметанный, я человека насквозь вижу, и этого увидел: непрост. Очень непрост. Козлов-то вроде дурачка, доверчивый, а этот нет, хотя по виду вроде Козлова, из интеллигентов. И чего-то они замыслили. Уж очень Славка таинственный был и все задумывался. Замрет и думает, думает. А еще

пугаться начал. Позвонит кто, он к двери шмыг и прислушивается. А раньше подойдет и сразу открывает.

- Давно он стал задумчивым? – спросила Лерка.
- Недели три.
- А испуганным?
- С неделю.
- А свалился когда?
- Третьего дня.
- Ясно, – вздохнула Лерка.
- Что за человек он вообще был? Чем занимался?
- Так это вам лучше знать. Вы его друзья.

Лерка вздохнула и достала еще сотню.

– Ничем путным он не занимался. Как есть бездельник. Говорил, что музыкант. Какой музыкант? На барабане играл, точно заяц. Или дятел – стук да стук. Но деньги зарабатывал. В прошлом году машину купил. И квартиру покупать собирался. Но потом у него что-то разладилось, про квартиру помалкивал и вроде как нигде не работал, потому что никуда не ходил, все больше дома на диване лежал и охал. Потом дружок этот появился.

– Как дружка звали?

– Арсений. Заходил пару раз. Приметный с виду парень. Но с двойным дном. Уверен, этот Арсений и втравил его в историю. – Дядька сложил руки на животе и благостно улыбнулся. Лерка вздохнула и, кивнув мне, потопала к двери. Дядька отправился проводить нас, у дверей спросил с хитрецей: – А у Славки много близких друзей?

- Что, уже кто-нибудь интересовался? – насторожилась Лерка.
- А то. Вы третьи. Сначала явился какой-то хмырь в бабьих волосах.
- В парике, что ли?
- Ага. И в очках. Таился. И выпрашивал. Дал две сотни.
- Как выглядел?

– Обычно. Если волос этих не считать. Невысокий, вот как вы, к примеру. Брюхо наел, хотя годов ему не больше тридцати. А потом явились втроем. Денег не дали ни копейки и напугали до смерти.

- Один из них белокрысы? – скривилась Лерка.
- Точно. Ваш знакомый?
- Ага. Что вы ему рассказали?
- А что ему рассказывать, если денег не дал?
- А тому, что в парике, рассказали о Славке?
- Нет, он мне не понравился.
- Белокрысы про Арсения спрашивал?

– Спрашивал про друзей. Я сказал – заходили, но я с ними не знакомился. – Тут дядька распахнул дверь и увидел Сашку, который стоял с той стороны и радостно улыбался.

– Это тоже знакомый, – успокоила его Лерка, заметив, что дядька переменялся в лице.

Мы простились и покинули дом. Пока мы шли к машине, Лерка кратко передала Сашку наш разговор с дядькой, теперь я это лишним не считала, раз выяснилось, что он не совсем идиот. Говорить, по крайней мере, умеет, может, и соображать тоже.

– Два убийства, – заведя мотор, подвела итог Лерка. – Белокрысы с компанией и приятель Арсения, который тоже чуть не стал покойником.

– Был еще один приятель, они в кафе вчетвером сидели.

– Вот-вот. Ребятишки что-то замыслили, скорее всего замыслы свои осуществили, после чего один сиганул со второго этажа и, похоже, не без чьей-то помощи, а второго убили в соб-

ственной квартире. Третий вряд ли об этом знал, иначе бы не появился так некстати. Остается четвертый. При этом надо помнить – в квартире что-то искали.

– И ты это что-то тоже хочешь найти, – съязвила я.

– Почему бы и нет? – резонно ответила Лерка.

– У тебя же денег полно, сама говорила.

– Так, может, там не деньги.

– А что?

– Не знаю.

Я вздохнула, разговаривать с Леркой не было никакой возможности. Мы въехали в гараж ее дома, и я побрела к своей машине.

– Ты куда? – насторожилась Лерка.

– Домой. Время позднее, у меня завтра работы по горло.

– Ты что? – подскочила она ко мне. – Какой дом? Какая работа? Ты не понимаешь...

– Это ты не понимаешь. Мне работать надо, работать. У меня нет миллионов, ясно?

– О деньгах не беспокойся...

– Да пошла ты... – посуровела я, устраиваясь в машине. – И не вздумай мне помешать, – предупредила я, заметив, что спешно приближается Сашок.

– Вот что, – затараторила Лерка, – ни в коем случае не говори ментам, что мы входили в квартиру. О белокрысом тоже забудь. И о стрельбе. Приехали, позвонили в дверь и уехали. Обещай мне, слышишь?

– Слышу, – ответила я и поторопилась убраться восвояси.

К родному дому я подходила с опаской, знать не зная, чего следует ждать от судьбы. Судьба послала светло-коричневый конверт, именно его я обнаружила в своем почтовом ящике, в который заглянула по привычке, хотя никакой корреспонденции не ждала.

Конверт был плотный, большой, с моим адресом и именем, обратный адрес отсутствовал. Отправили его два дня назад из двадцать шестого почтового отделения. Поглазев на конверт, я вошла в квартиру, пробежалась по всем трем комнатам, дабы убедиться, что нахожусь одна, рухнула в кресло и закрыла глаза, но тут же вскочила и схватила конверт, разорвала и обнаружила в нем конверт поменьше и листок бумаги, развернула его и с дрожью душевной прочитала: «Дорогая Аня. Пожалуйста, сохрани это для меня. Арсений».

Я заревела, да так жалобно, что самой себе удивилась. Уж, кажется, надо привыкнуть к мысли, что Арсения больше нет, но теперь, когда я держала в руках его записку, горе обрушилось на меня с неимоверной силой.

От избытка чувств я кинулась к телефону, чтобы позвонить Лерке, но вовремя опомнилась. Лерка непременно захочет узнать, что в конверте, а Арсений просил сохранить конверт для него... В самом деле, что там может быть? Сама не знаю как, я разорвала конверт. В салфетку был завернут ключ с биркой, на бирке номер 328. Я повертела его в руках, ключ небольшой, вряд ли от двери. Тогда от чего? На всякий случай я тщательно изучила салфетку, в которую был завернут ключ. Никакой записки. Ключ, и все. С просьбой сохранить его для Арсения. Он надеялся им воспользоваться. Я опять заревела, потом вытерла слезы и продолжила размышления.

Почему он прислал его мне? Арсений мне доверял. Конечно. Я вызываю у людей доверие, это нормально. Возможно, не только доверие, возможно, он испытывал ко мне чувства... А еще он хотел, чтобы об этом ключе никто не знал, и отправить его мне показалось ему наиболее надежным. Мы были едва знакомы, следовательно, никто из тех, кого он опасался, обо мне не знает. Отыскать меня будет сложно, это он так думал, и если бы я не поперлась к нему на квартиру, оказался бы прав. Но я, поддавшись на Леркины уговоры, туда отправилась, и в результате... в результате белокрысы легко может меня найти.

Я схватила оба конверта, записку и даже салфетку, скомкала и подожгла в большой пепельнице на кухне. Конверт горел плохо, поджигать его пришлось раза три, в конце концов и он превратился в грудку пепла, а я вздохнула с облегчением.

Ключ я положила в шкатулку, где хранила всякие мелочи. Раз Арсения нет, хранить ключ у себя довольно глупо, но я его все же оставила. Еще раз прошлась по квартире и отправилась спать. Сон не шел, я то начинала реветь, то вспоминала о ключе и гадала: что намеревались открыть этим ключом, а главное, что находится под замком, который этот ключ открывает. Арсений погиб, и я об этом уже никогда не узнаю. Я вновь заревела, подозреваю, что на сей раз от неудовлетворенного любопытства.

Утром я едва не опоздала на работу, так что о ключе даже не вспомнила. Ближе к обеду мысль о нем мелькнула у меня на мгновение, но срочные дела вновь не позволили поразмышлять на эту тему.

В 15 часов 25 минут раздался телефонный звонок, и мужской голос сурово поинтересовался:

– С Лиховицкой Анной Михайловной я могу поговорить?

– Слушаю, – ответила я. Мужчина представился, и все поплыло у меня перед глазами: интересовалась мною милиция.

– Вы хорошо знали Ковальчука Арсения Романовича? – спросил мужчина.

– Это наш клиент, – промямлила я и сочла нужным добавить: – Он собирался купить квартиру.

– Собирался?

– Да, потом куда-то исчез. По крайней мере, не звонит и в агентстве не появляется.

– А вы давно его видели?

– Недели две назад он заходил к нам в последний раз.

– Я бы хотел поговорить с вами. Желательно сегодня.

Через час я с замиранием сердца стучала в дверь кабинета, снабженную табличкой «Потопов В.А.». По дороге я решила ни в чем не сознаваться, должно быть, с перепугу. А потом, никогда ведь не знаешь, от чего вреда больше: от правдивости или вранья. Как мудро заметила Лерка, Арсению теперь все равно, а мне неприятности ни к чему.

Лерке я позвонила по дороге, и она укрепила меня во мнении, что ложь во спасение – это благо. Хотя врать я не собиралась. Я просто решила немного исказить истину, чтобы господа из милиции потеряли ко мне интерес.

Услышав резкое «да», я вошла в кабинет и увидела мужчину среднего возраста, с бледным лицом, наметившейся лысиной и взглядом мученика. Если мне не хотелось отвечать на вопросы, то ему явно не хотелось их задавать.

– Садитесь, – кивнул он, когда я сообщила, кто я такая. Вздыхнул, достал из верхнего ящика стола бумагу, авторучку и приступил.

Первые пять вопросов никакого затруднения у меня не вызвали, касались они в основном моих паспортных данных и места работы. Потом Владимир Андреевич перешел к насущному:

– Когда и где вы познакомились с Ковальчуком?

– А что случилось? – робко поинтересовалась я.

– Господин Ковальчук убит, идет следствие...

Охать и произносить что-то вроде «о господи» или «боже мой» я поостереглась, притворство никогда не было моей сильной стороной, я помолчала, а потом спросила:

– Но я-то здесь при чем?

– Мы опрашиваем всех, кто близко знал Ковальчука.

– Я его близко не знала. Если быть точной, мы были едва знакомы.

– Вот и расскажите об обстоятельствах вашего знакомства.

– Мы познакомились в кафе, – стараясь придерживаться истины, сообщила я. – Сидели за одним столиком. Разговорились, он сказал, что хочет купить квартиру, я предложила услуги нашего агентства. На следующий день он пришел, мы подобрали подходящую квартиру, но он вдруг исчез. Не звонил, не появлялся. Вчера мы как раз проезжали мимо дома, где он жил, и я решила заглянуть к нему. Но дома его не оказалось.

– Вы одна к нему заходили? – с интересом спросил Владимир Андреевич.

– Нет, с подругой. И ее шофером. Подруге нужно было в туалет, – пояснила я, – а шофер ходит за ней как приклеенный. Я забыла номер квартиры Арсения, и мы обратились к соседке на первом этаже.

– Что было дальше?

Я пожала плечами и посмотрела в глаза Владимиру Андреевичу, как мне казалось, с максимальной честностью.

– Ничего. Позвонили в дверь, никто не открыл, и мы ушли.

– Сколько времени вы находились в подъезде?

– Не помню. Полминуты, минуту. Я время не засекала.

– А когда выходили из подъезда, ничего подозрительного не слышали?

– Нет. Может, вы скажете, что случилось? – нахмурилась я.

– Соседка утверждает, что слышала выстрелы как раз в то время, когда вы были в квартире.

– В квартире мы не были, потому что нам никто не открыл дверь. И никаких выстрелов мы не слышали.

– Соседка видела, как вы садились в машину, и утверждает, что в квартире вы находились минут пятнадцать.

– Мы не могли находиться в квартире, потому что дверь нам никто не открыл, – терпеливо повторила я.

– А может, она уже была открыта?

– Может, – не стала я спорить, – но мне об этом ничего не известно. Стрелять мне тоже не из чего, если вы об этом, и Ковальчука я не убивала, не за что.

– Ковальчук был убит за двое суток до этого, но тот факт, что вы пытаетесь скрыть...

– Мы в квартиру не входили, пробыли на лестничной клетке не больше минуты. И в кого нам стрелять, скажите на милость, если Ковальчук был уже мертв?

– Вот я и пытаюсь выяснить, что там произошло, – задушевно сообщил он, но чужая задушевность впечатления на меня не произвела.

Потапов был ласков, потом сделался строг, напомнил об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Все во мне холодело и замирало, но я продолжала стоять на своем.

Владимир Андреевич долго сверлил меня взглядом, а потом отпустил, записав Леркины данные, которыми она меня снабдила. Я вернулась на работу, где пыталась отделаться от навязчивых мыслей о том, как низко я пала: вру, притворяюсь – ну и о том, конечно, чем это может для меня закончиться. К концу дня я во всех своих бедах обвинила Лерку, кому хочется признать собственные недостатки, а тут подвернулся удобный повод свалить все на другого.

Вечером я уехала к бабушке, выключив мобильный, чтобы Лерка не смогла до меня дозвониться.

На следующий день я появилась на работе с некоторым опозданием. Софья Сергеевна встретила меня с выражением лица, которое можно было характеризовать как ужас с большой толикой недоумения.

– Аня, тебя спрашивали, – сказала она, забыв поздороваться.

– Кто спрашивал? – нахмурилась я, сразу вспомнив о Лерке и ее шофере, который умел производить впечатление на людей.

– Какие-то типы. Пришли вдвоем. Спросили, когда ты будешь. Вряд ли их интересуют квартиры. Скорее они хотят, чтобы мы освободили помещение.

– О господи, – только и смогла произнести я и закрылась в своем кабинете. Федосеев кому-то наебедничал, и теперь ко мне явятся с претензиями. Федосееву повредили руку, а мне, скорее всего, оторвут голову, и поделом, нечего прибегать к бандитским методам. Я вновь помянула Лерку недобрым словом и попробовала сосредоточиться на работе.

Примерно через час дверь распахнулась, и Софья Сергеевна выдохнула:

– Пришли.

Сердце мое ухнуло вниз и затерялось там, а в кабинет уже входил белобрысый в сопровождении высокого молодого человека, которого ранее мне видеть не доводилось.

– Привет, – сказал белобрысый, устраиваясь на стуле. Высокий захлопнул дверь перед носом Софьи Сергеевны и привалился к стене.

– Здравствуйте, – смогла вымолвить я с третьей попытки.

– Мы ведь вчера виделись, – ухмыльнулся он, – так что объяснять, кто я и зачем пришел, без надобности.

– Вы все-таки объясните, – попросила я, – потому что я вчера ничего не поняла, а сегодня тем более.

– Что ты делала в квартире? – глядя мне в глаза, спросил он.

– В квартире Арсения? – на всякий случай уточнила я.

– Арсения. Ты его хорошо знала?

– Вовсе нет. Он хотел купить квартиру. – Далее я изложила свою версию произошедшего. – Дверь была не заперта, это показалось нам странным, раз на звонок никто не открыл. Мы вошли. И обнаружили труп в туалете. Кстати, убили Арсения за двое суток до этого. Мне сегодня в милиции сказали.

– Ты была в милиции? – нахмурился белобрысый.

– Конечно. Ведь совершено убийство.

– И про нас рассказала?

– Нет. Я решила, что вам это вряд ли понравится. Я сказала, что мы позвонили в дверь, нам никто не открыл, и мы ушли.

– И менты поверили?

– Не знаю. Соседка видела, что мы садились в машину уже после выстрелов. Но про вас я ничего не сказала.

– На самом деле ты промолчала, потому что пришлось бы объяснять, что вы делали в квартире и откуда у твоего парня пушка.

– Он не мой парень, он шофер и охранник моей подруги. Связываться с милицией никому не хочется, тут вы правы. Арсения я едва знала, и его дела меня не волнуют, так же как и ваши.

– У него был дружок, который на днях свернул себе шею, свалившись с балкона, а потом кто-то пришел твоего Арсения. Занятно, не правда ли?

– Я так не считаю. Скорее ужасно.

– Возможно.

– Слушайте, я о вас в милиции не рассказала, так чего вы от меня хотите? Я же ясно выразилась: ваши дела меня не касаются, кто там кого убил и за что...

– Хочешь сказать, это мы его убили? – хмыкнул белобрысый.

– Я его точно не убивала. Я просто хотела продать ему квартиру. Вот и все.

– А зачем ты приходила в «Олимпию»? – сверля меня взглядом, пакостно улыбнулся белобрысый.

– В «Олимпию»?

– Точно. Казино «Олимпия» в трех шагах отсюда.

– Странный вопрос. Я иногда захожу туда... проверяю удачу. Какой раз вас конкретно интересует? – Страх придал мне наглости, но ясно было, что с белобрысым этот номер не пройдет.

– В тот раз, когда ты спрашивала о Козлове, – сказал он, при этом выглядел как-то странно, словно играл наугад. Может, так и есть? Может, он вовсе не уверен, что это я тогда была в ресторане и спрашивала о Козлове? А если он меня там видел? Я-то его точно не видела, но это ничего не значит. Совру, что про Козлова не спрашивала, он поймает меня на лжи и уже ничему не поверит. Бог знает, к каким это приведет последствиям. В результате соврать я не решилась.

– Да, я действительно обедала как-то в ресторане и спросила про Козлова. Я думала, что он там работает. Но среди музыкантов его не было. Вот я и спросила официанта.

– Про то, что он работает в «Олимпии», тебе сам Козлов сказал?

– Нет. Арсений.

– С какой стати?

– Что?

– С какой стати он сказал тебе это? Он ведь хотел купить квартиру, при чем здесь какой-то Козлов?

– Да ни при чем, – вздохнула я, сообразив, что оказалась в ловушке. Вот она, расплата за вранье, лучше бы мне сказать правду в милиции. Ну зачем соврала, господи? И что теперь? – Мы просто сидели за столиком в кафе возле окна, прямо напротив «Олимпии», и Арсений сказал, что у него друг музыкант и как раз там работает. Может, он сказал «работал», а я поняла неправильно. Потом, когда Арсений неожиданно исчез, а я зашла в ресторан поужинать, то вспомнила про этого Козлова и подумала, если он там, почему бы не узнать у него про Арсения. Оказалось, Козлов в «Олимпии» больше не работает. Вот и все.

– Ты обо всех своих клиентах проявляешь такую заботу?

Я пунцово покраснела и решила по возможности больше не врать.

– Нет, Арсений мне понравился. Мы даже в театр сходили один раз. А потом он пропал. Не звонил и здесь не появлялся. Я ему несколько раз звонила, но он не отвечал. И вчера мы с подругой... в общем, она сказала, есть повод к нему заехать. Сказать, что подобрали подходящую квартиру. Так оно и было, квартиру мы ему нашли. В общем, мы поехали. Одна бы я вряд ли решилась, поэтому подруга пошла со мной. Я думала соврать что-нибудь: проезжала мимо и все такое... Но врать не пришлось, нам никто не открыл, а подруга дверь толкнула, нечаянно... И зачем мы вошли?.. Надо было сразу милицию вызывать.

– Смотри, что получается, – вполне доброжелательно начал он, – ты знакомишься в кафе с Арсением, он собирается купить квартиру, вы встречаетесь, потом он исчезает, а ты его ищешь. Являешься в «Олимпию», ты ведь туда специально пришла?

– Допустим...

– Вскоре после этого Козлов свернул себе шею, а твоему Арсению кто-то выстрелил в голову. Столкнувшись с нами возле трупa, ты торопишься удрать, а в милиции врешь, что в квартире даже не была. И после этого пытаешься меня убедить, что ты здесь ни при чем?

– А вы здесь при чем? – неожиданно для самой себя задала я вопрос.

Белобрысый поднял брови, выглядел он скорее удивленным, чем рассерженным, это придало мне отваги, и я продолжила:

– Если вы пытаетесь найти убийцу, то подозревать меня довольно глупо. Если я как-то к этому причастна, зачем мне идти к нему домой?

– Вдруг ты чего-то искала?

– И отправилась туда, зная, что в квартире труп? По-вашему, я сумасшедшая? Если хотите знать мое мнение, для всех нас наличие трупa явилось неприятным сюрпризом. Именно по этой причине я и промолчала в милиции, потому что уверена: ни вы, ни тот парень с писто-

летом Арсения не убивали. Убийцу я бы покрывать не стала. – Белобрысый внимательно слушал меня, и я решила развить тему: – Когда мы вошли в квартиру, там царил беспорядок. Вещи разбросаны... впрочем, вы видели.

– А не вы этот беспорядок устроили?

– У нас на обыск просто не было времени. Вы вошли буквально следом, мы как раз обнаружили Арсения.

– Дружок твоей подруги действовал весьма решительно.

– Это его работа, он охранник. Так вот, я думаю, убийца что-то искал, возможно, нашел. По крайней мере, у него было на это время. Если вы спросите, что он искал, я отвечу: понятия не имею.

– И не догадываешься?

– Нет. Мы познакомились с Арсением несколько дней назад, он со мной не откровенничал, а чтобы строить догадки, надо располагать хоть какими-то сведениями. Я не знаю, по какой причине вы им интересуетесь, – с надеждой сказала я. С надеждой на то, что он в самом деле объяснит причину своего интереса. Белобрысый только усмехнулся, но ничего зловещего я в его ухмылке не углядела и порадовалась.

– Он ничего не говорил о том, что собирается разбогатеть? Может, хвастал, что купит крутую тачку?

– Он квартиру собирался покупать, обычную, двухкомнатную, хотя, конечно, и такая квартира стоит больших денег.

Белобрысый вновь криво усмехнулся. Как видно, его представление о больших деньгах не соответствовало моему.

– Кого-нибудь из его друзей знаешь?

– Нет, конечно. Ни с кем из них он познакомить меня не успел.

– Что ж... – Он поднялся, чем, признаться, обрадовал меня. – Если ты темнишь, мало тебе не покажется. Если сказала правду...

– Я сказала правду, – нахмурилась я.

– Ага, – хмыкнул он и покинул мой кабинет. Сопровождавший его парень, за все время нашего разговора не проронивший ни слова, молча закрыл дверь.

Я глубоко вздохнула и откинулась на спинку кресла. Черт бы побрал мое вранье. Кажется, я окончательно запуталась, теперь и в милицию не побежишь, раз и там я правду утаила. Как же меня угораздило? С полчаса я занималась самобичеванием, затем начала строить предположения. Кто-то что-то ищет, это «что-то» должно быть у Арсения, за его сохранность он здорово беспокоился и потому прислал мне ключ, опасаясь хранить его дома или держать при себе. Что же там такое? И от чего этот ключ? Небольшой ключ с номером 328 на брелке. Господи, да это ключ от банковской ячейки. Как же я сразу не догадалась? Что там можно хранить? Деньги, ценности, документы. Все, что угодно, точнее, все, что умещается в стандартную по размеру ячейку. И это «что-то» ищут белобрысый и предполагаемый убийца. Белобрысый выпрашивал, не намеревался ли Арсений в скором времени разбогатеть, следовательно, речь, скорее всего, идет о деньгах (хотя и не факт), причем нажитых незаконным путем, законно в один миг не богатеют. Хотя и это вилами по воде. Если в одном месте прибыло, значит, в другом убыло, это я еще по школе помню. Если убыло у белобрысого, то его желание вернуть потерянное понятно. Но с другой стороны, пальцы мне не ломали и даже не грозили, что ломать начнут, разговаривали вполне вежливо. Выходит, белобрысый вовсе не уверен в моей причастности к исчезновению его ценностей. А может, не уверен и в том, что к этому причастен Арсений, не то разговаривал бы иначе. Я вновь подумала о ключе. Чтобы изъять ценности из ячейки, одного ключа мало, нужны соответствующие документы и паспорт человека, на чье имя арендована ячейка, а еще не худо бы знать, в каком банке находится эта ячейка.

Возможно, убийца забрал паспорт Арсения и документы, но у него нет ключа. А у меня нет документов. Занятная ситуация. Если кто-то решился на убийство, вряд ли он остановится на полдороге. Значит, убийца будет искать ключ. Хотя, если у него все необходимые документы, он вполне может сказать в банке, что ключ потерял. Правда, в этом случае он привлечет к себе ненужное внимание. Я невольно поежилась, а потом засобиравалась домой.

В квартиру я входила с опаской, подошла к шкатулке, достала ключ и усталилась на него. Выбросить его, и дело с концом. Арсений погиб, значит, хранить мне ключ не для кого, только неприятности наживать. Повертела ключ в руках, но выбросить не решилась, отцепила брелок, ключ оставила в шкатулке, а брелок бросила в вазу, к шпилькам, болтикам и прочей ерунде.

Тут в дверь позвонили, я пошла открывать и на пороге обнаружила Лерку. Пока я размышляла, стоит ее впускать или нет, она легонько меня подвинула и вошла в квартиру, вслед за ней прошмыгнул Сашок. Мне ничего не оставалось, как закрыть дверь.

Лерка устроилась на диване, а Сашок в кресле.

– У меня был белобрысый, – сообщила я, чтобы испортить им настроение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.